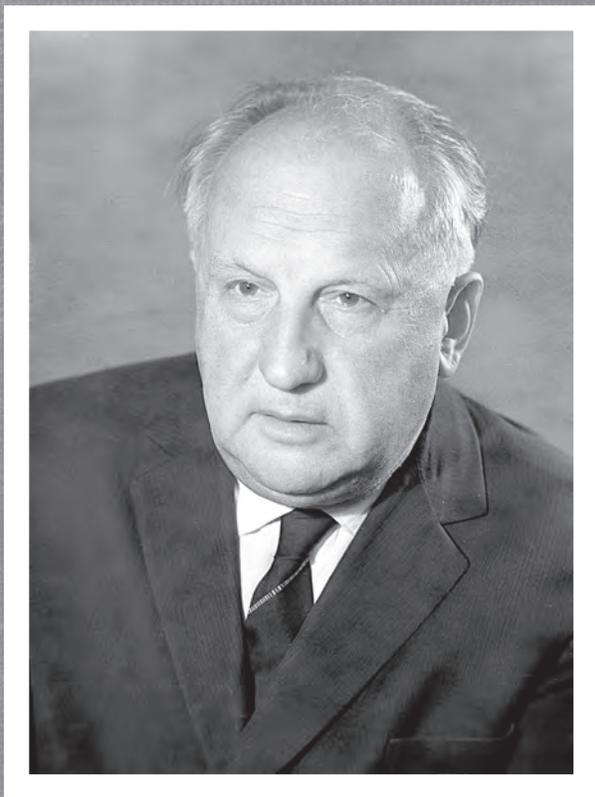

К. А. Михайлов

**Михаил Константинович
КАРГЕР**

Биографические очерки

К. А. Михайлов

**Михаил Константинович Каргер
(1903–1976)**

Биографические очерки

Санкт-Петербург
2023

УДК 902
ББК 63.4
М 69

*Работа выполнена в рамках программы ФНИ ГАН по теме государственного задания
«Средневековая Русь в евразийском историческом и культурном пространстве:
формирование археологических культур и культурных центров, становление
научного подхода к их изучению» (FMZF-2022-0015).*

Утверждено к печати Ученым советом ИИМК РАН

Научный редактор *А. А. Пескова*

Рецензенты: к. и. н. *М. В. Медведева* (ИИМК РАН),
д. и. н. *Н. И. Платонова* (ИИМК РАН), д. и. н. *И. Л. Тихонов* (СПбГУ)

М69 Михайлов К. А.

Михаил Константинович Каргер (1903–1976) : Биографические очерки. —
СПб. : ИИМК РАН, 2023. — 114 с.

ISBN 978-5-6049788-3-2

Книга представляет собой первый опыт научной биографии известного советского историка, археолога, исследователя древнерусской каменной архитектуры Михаила Константиновича Каргера (1903–1976), многие страницы жизни и деятельности которого оставались до сих пор за пределами отечественной историографии. Исследование опирается на архивные материалы, часть которых публикуется здесь впервые. Также впервые дается полная библиография трудов ученого.

Для археологов, историков и всех интересующихся историей отечественной науки.

**УДК 902
ББК 63.4**

© К. А. Михайлов, 2023
© ИИМК РАН, 2023

Содержание

Предисловие (<i>Д. Д. Ёлишин</i>).....	4
1. Вступление.....	7
2. М. К. Каргер: Personalia	13
3. Родители и семья в Казани	15
4. Самара: 1912–1922 гг.....	22
5. Ленинград: 1922–1929 гг.....	25
6. М. К. Каргер в ГАИМК (1929–1937 гг.)	38
6.1. М. К. Каргер и «Новгородский проект» ГАИМК	47
7. Ленинград (1938–1941) и война (1941–1943)	57
8. Ленинград: 1944–1976 гг.....	63
Список сокращений	71
Список литературы и архивных источников	74
Архивные источники	74
Список литературы	75
Опубликованные работы М. К. Каргера.....	80
Иллюстрации.....	91

Предисловие

Имя Михаила Константиновича Каргера (1903–1976) хорошо известно специалистам — археологам, искусствоведам, историкам, занимающимся исследованиями Древней Руси. Известность эту определяют разные обстоятельства. Руководя вторым по значению археологическим институтом страны (Ленинградское отделение Института археологии) и кафедрой истории искусства ЛГУ в 1960-е гг., М. К. Каргер оказал влияние на целое поколение широкого круга научных работников. Его учениками были археологи и искусствоведы, ставшие нашими Учителями: М. В. Малевская, А. Н. Кирпичников, Вал. А. Булкин, О. М. Иоаннисян и другие.

Но главной причиной этой известности является масштабная, целенаправленная и эффективная полевая археологическая деятельность ученого в сочетании с оперативностью публикации ее результатов. Эта многолетняя и непрерывная деятельность в основном приходится на послевоенный период (1945–1971 гг.), хотя начало ее (исследования в Киеве) относится, пожалуй, еще к концу 1930-х. После войны результативные раскопки важнейших памятников древнерусской архитектуры сначала в Киеве и его округе, затем в Переяславле Южном, Владимире-Волынском, Галиче, Полоцке и Новгороде составили репутацию и славу М. К. Каргера. Опыт, который иногда принимают за простое везение, позволил ему обнаружить десятки ранее неизвестных памятников, а уверенность в подходе — смело раскрыть их полностью. Главной целью, которую преследовал Каргер, было выявление центральных тенденций архитектурной типологии, стилистики и строительного производства, часто трактуемых им в эволюционистском ключе. Тем не менее в интерпретации архитектурных остатков М. К. Каргеру почти не было равных. Количество новых сведений, полученных в ходе работ, на глазах переходило в новое качество концепции развития древнерус-

ского зодчества. Ярким примером этого феномена стал 2-й том монографии «Древний Киев», представивший новую, ясную, хорошо аргументированную (на тот момент) картину развития киевской монументальной архитектуры X–XIII вв. Результаты раскопок памятников архитектурной школы Переяславля Южного, типологическое своеобразие которой было впервые открыто М. К. Каргером, опубликованы в серии статей (монография, к сожалению, осталась на стадии рукописи). В каталог памятников древнерусской архитектуры, опубликованный П. А. Раппопортом в 1982 г., были включены 202 сохранившихся (большой частью — в археологическом состоянии) памятников монументального зодчества, из них М. К. Каргером были впервые открыты, заново найдены после раскопок XIX в. или доследовались 38.

Методический подход М. К. Каргера, увы, имел и обратную сторону. Несмотря на внимание к таким деталям, как строительные материалы, Каргеру не была свойственна скрупулезность изучения археологического культурного слоя. Так, его исследования на Шепетовском городище демонстрируют слабый интерес к стратиграфии и топографии объектов. При раскопках монументальных сооружений описание культурного слоя чаще всего приносилось в жертву тщательности исследования остатков зданий. Да и многие детали монументальных сооружений, такие как убранство полов, алтарное устройство, развалы обрушенной фресковой живописи, казавшиеся исследователю несущественными, лишь вскользь упоминались в отчетах и публикациях. Обращение к архивным материалам и музейным коллекциям раскопок Каргера обнаруживает недостающую подводную часть айсберга. Большая часть полевой документации, как вошедшей в публикации М. К. Каргера, так и остающейся неопубликованной, была выполнена первоклассными специалистами, безвестно участвовавшими в его работах, — Г. Ф. Корзухиной, П. А. Раппопортом, М. В. Малевской. Обработка этих материалов может стать предметом еще

нескольких монографий. Показательно, что П. А. Раппопорт и М. В. Малевская смогли полноценно начать самостоятельные исследования древнерусской архитектуры только тогда, когда их начальник отошел от дел, а с точки зрения полевой методики их работы оказались гораздо более близки к современным требованиям.

В целом, по прошествии почти полувека после смерти исследователя его фигура предстает столь же неоднозначной, сколь и характерной для своего времени. Что невозможно отрицать, так это ту точность, с которой была поставлена и выполнена научная задача максимального восполнения путем археологических исследований пробелов в картине древнерусского зодчества и системного осмысления этой картины. Такая задача требовала немалых ресурсов: финансового, административного, кадрового. Как получилось, что они оказались в руках у М. К. Каргера как раз тогда, когда он сформулировал такую амбициозную задачу? Как М. К. Каргер пришел к осознанию этой задачи и выработал свой результативный подход? На эти вопросы отвечает исследование, представленное в данной книге, раскрывающей тернистый жизненный и творческий путь исследователя в довоенное время, еще недавно почти совершенно неизвестный даже его непосредственным ученикам.

Д. Д. Ёлшин

В двадцатом веке дневники
не пишутся, и ни строки
потомкам не оставят:
Наш век ни спор, ни разговор,
ни заговор, ни оговор
записывать не станет.

Лишь по прошествии веков
из скомканных черновиков,
из спутанных метафор
всё извлекут, что ни таят:
и жизнь и смерть,
и мед и яд,
а также соль и сахар.

Борис Слуцкий

1. Вступление

М. К. Каргер может быть отнесен к представителям первого поколения советских ученых-гуманитариев, получивших высшее образование сразу после революции 1917 г. и Гражданской войны в России. Эта яркая генерация исследователей, сформировавшаяся в 1920–1930-е гг., со временем определила образ отечественной исторической и археологической науки середины — второй половины XX в. и одновременно стала связующей нитью между дореволюционной и современной российской наукой.

Научная деятельность М. К. Каргера почти половину столетия (с 1929 по 1976 г.) была связана сначала с ГАИМК, а затем с ИИМК — ЛОИА АН СССР, где он прошел путь от научного сотрудника до заведующего Ленинградским отделением института археологии (*Кирпичников 1977; Платонова 2013*). Параллельно он работал в Академии художеств, в Ленинградском государственном университете, в Государственном

Русском музее в Ленинграде, в Новгородском музее и в ряде других организаций Ленинграда. Большую часть своей научной карьеры он не только много и плодотворно изучал древнерусские архитектурные памятники, но и непрерывно преподавал как на историческом факультете ЛГУ им. Жданова (бывшем Императорском С.-Петербургском университете), так и в Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина (Академии художеств). Фактически с 1925 по 1970-е гг. исследователь читал лекции и непрерывно организовывал летние студенческие практики, тем самым формируя ленинградскую школу искусствоведения и школу архитектурной археологии, оказывая влияние на несколько поколений советских искусствоведов и археологов. Результатом его многолетней научно-педагогической деятельности стала подготовка целой когорты выдающихся искусствоведов и археологов (А. Н. Кирпичников, Н. Н. Калитина, Вал. А. Булкин, О. В. Овсянников и др.), которые не только продолжили основные темы его исследований, но и создали собственные научные направления. Сфера научных интересов М. К. Каргера всю жизнь была связана с изучением древнерусской каменной архитектуры, исследованием таких ключевых для понимания средневековой истории и археологии Восточной Европы городских памятников, как Новгород, Киев, Переяславль Южный, Галич, Владимир-Волынский и Полоцк. При его участии и руководстве было открыто и исследовано значительное количество памятников древнерусской каменной архитектуры, опубликовано множество научных работ, которые до сих пор не потеряли своей актуальности.

Значительное и многообразное научное наследие, оставленное М. К. Каргером, к которому исследователи Древней Руси регулярно обращаются, заставляет нас вглядываться в фигуру этого исследователя, который начал свою научную деятельность и сформировался, пожалуй, в самую сложную для советской науки эпоху — время сталинского перелома и наиболее

яростного идеологического натиска на отечественную историческую науку. Как мне кажется, именно период конца 1920-х — 1930-х гг. стал ключевым для формирования М. К. Каргера как ученого и повлиял на особенности его личности.

Несмотря на то что научные достижения и наследие М. К. Каргера неоднократно отмечались в историографии, посвященных известному ленинградскому ученому монографических исследований, к сожалению, так до сих пор и не появилось.

До конца XX в. образ М. К. Каргера главным образом сохранялся в профессиональной среде ленинградских-петербургских археологов в виде устного нарратива. Многочисленные слухи и устные рассказы, которые окружали его фигуру в силу ее масштаба и благодаря широкому кругу общения и многолетней работе со студентами, продолжали распространяться и после его кончины. Часть этой устной традиции сохранили его ученики, выпускники университета, многочисленные участники его экспедиций. В них Михаил Константинович предстает ярким и противоречивым человеком, не лишенным личных недостатков и далеким от его официальных портретов.

Валентин Александрович Булкин в короткой биографической заметке оставил единственное сохранившееся описание образа учителя, увиденного глазами студентов ЛГУ 1950–1960-х гг.: «Роста среднего, плотного телосложения, массивный, с красиво вылепленной головой. Движения плавные, степенные, походка слегка вразвалочку, в руке — выдавший виды портфель, от многолетнего ношения которого его обладатель ходит, чуть выдвинув вперед правое плечо. Взгляд холодновато-пристальный, выражение лица внушительное, строгое. Общее впечатление — настоящий профессор, каким он рисуется абитуриенту, сама представительность и солидность: подходить страшновато, хочется отступить в сторону и почтительно взирать. При более коротком знакомстве это чувство до известной степени смягчалось, но все же желание

быть осторожным в общении с ним, опасливость, соединенная с уважением, сохранялись. Кажется, в общении со всеми людьми, а не только со студентами, он сознательно “держал” дистанцию и близко к себе подпускал очень редко» (*Булкин 2002: 280–281*).

Помимо устных воспоминаний¹, многочисленные упоминания персоны М. К. Каргера сохранились в дневниках и письмах сотрудников Русского музея, Академии художеств и Петроградского/Ленинградского университета. В этой своеобразной коллективной и семейной памяти ленинградской-петербургской интеллигенции М. К. Каргер предстает авторитарным руководителем с неоднозначной биографией. Теперь, по прошествии времени, воспоминания о его советском и профессиональном конформизме кажутся не столь очевидными. Следует вспомнить, что формирование научного пути М. К. Каргера и выбор научной темы, связанной с изучением древнерусской архитектуры, выпали на 1920–1930-е гг., когда советская власть не только целенаправленно боролась с православной церковью и массово уничтожала как церковных служителей, так и памятники церковной архитектуры, но и ликвидировала целые научные направления, изучавшие церковные памятники. В конце 1920-х — начале 1930-х гг. потеряли работу, подверглись преследованиям или были арестованы многие отечественные специалисты, изучавшие древнерусскую и византийскую культуру и искусство. Например, в Ленинграде разряды (кафедры и отделы), посвященные древнерусскому искусству, в ГАИМК, ЛГУ и Русском музее на некоторое время были полностью ликвидированы (*Медведева 2022: 231; Медведева 2022а: 183–184*). До смены государственной парадигмы в 1940-е гг., которая произошла только во время Второй мировой войны, когда государственная про-

¹ В качестве примера можно назвать публикацию Я. А. Шера, записавшего именно устную традицию, бытовавшую в ЛОИА в 1960-е гг. (*Шер 2014*).

паганда обратилась к образам древнерусских князей и великорусскому патриотизму, изучение древнерусской архитектуры оставалось бесперспективной в карьерном отношении и опасной темой.

Но, несмотря на негативную тенденцию, укрепившуюся в советских гуманитарных учреждениях в конце 1920-х — 1930-х гг., М. К. Каргер продолжал заниматься древнерусской архитектурой, археологией и искусством, не переключаясь на более «перспективные» направления марксистской науки, чем отличились многие его сверстники. Он занимался реставрацией, обмерами и раскопками древнерусских храмов и монастырей, несмотря на обвинения во вредительстве. В 1929–1930 гг. он составляет картотеку новгородских храмов и занимается методичным изучением новгородских монастырей, а затем, после тотального уничтожения украинских археологов во время кампании 1937–1938 гг., продолжает их работу на фундаментах Десятинной церкви, в Михайловском Златоверхом и Софийском соборах Киева. Но если до 1933 г. эту планомерную работу можно объяснить влиянием учителей, старших коллег и заданием администрации ГАИМК в лице Ф. В. Кипарисова, то после их отстранения от работы или гибели во время кампании политических репрессий он долгое время оставался одиночкой. Это был явно осознанный и самостоятельный выбор научной темы, который противоречил тогдашним карьерным течениям в советской науке.

Оценивая научное наследие М. К. Каргера, можно сказать, что при его участии была открыта и исследована значительная часть известных нам памятников древнерусской каменной архитектуры, создана вполне успешная ленинградская школа архитектурной археологии, опубликовано множество научных работ, которые до сих пор не потеряли своей актуальности.

Нельзя не отметить, что в сравнении со многими советскими коллегами М. К. Каргер обладал несомненным литературным талантом, что выделяло его труды на общем фоне исследователей его эпохи. Работы Каргера всегда отличались

позитивистским и абсолютно адекватным подходом к материалу. Это тоже было довольно редкое качество в современной ему гуманитарной советской науке, которая была вынуждена постоянно подстраиваться под идеологические требования, насыщая и зашифровывая свои тексты канцеляризмами.

Я не тешу себя надеждой на то, что удастся восстановить все детали биографии или выявить все ключевые фигуры, которые повлияли на становление будущего корифея советской науки. Но надеюсь, что обращение к выявленным архивным источникам поможет понять важные моменты его формирования как ученого и уяснить становление методики его работы, без чего невозможно в полной мере оценить оставленное им документальное наследие.

Сам М. К. Каргер, скорее, сознательно не хотел раскрываться перед своими современниками и оставлять им документальные материалы о своей семейной истории и подробностях биографии. Ленинградская и новгородская части его архива поражают отсутствием как большей части личных документов и фотографий, так и писем коллег и учителей. Но многочисленные свидетельства об отдельных эпизодах жизни исследователя сохранились в личных архивах его современников и тех многочисленных организаций, где он успел поработать за свою долгую научную и преподавательскую карьеру.

Изучение жизненного пути исследователя осложняется также тем, что не сохранилось даже его официальной биографии. Единственный раз немногочисленные биографические данные были опубликованы в некрологе, составленном его учеником (*Киртичников 1977*). Страницы реальной биографии ученого, особенно ее ключевая довоенная часть, оставались фактически неизвестны даже его близкому окружению. Сам Михаил Константинович был чрезвычайно краток и осторожен, особенно в тех официальных документах, которые должен был заполнять при трудоустройстве и во время приема в партию. Даже имена и происхождение своих роди-

телей он редко указывал в документах на протяжении 1920–1960-х гг.

Немного о структуре текста. Предлагаемая книга главным образом посвящена довоенному периоду семейной и научной биографии М. К. Каргера. На мой взгляд, эта часть, связанная со становлением ученого, является наименее известной и наиболее важной для понимания его последующего научного пути и особенностей характера. Поэтому послевоенный период, который лучше отражен в отечественной историографии, дополнен только коротким очерком, отразившим основные вехи научной биографии исследователя.

2. М. К. Каргер: *Personalia*

Трудов, посвященных личности М. К. Каргера, несмотря на широкий круг связанных с ним исследователей, оказалось немного. Первая публикация появилась в 1952 г. в «Вестнике ЛГУ» в связи с выходом получившего Сталинскую премию двухтомного издания под редакцией Н. Н. Воронина, М. К. Каргера и М. А. Тихановой «История культуры Древней Руси» (1948–1951 гг.). Она является примером своеобразного советского панегирика в честь «замечательного исследователя», но из биографических данных содержит только упоминание о том, что лауреат в первых числах июля 1941 г. отправился добровольцем на фронт (*Борисковский* 1952: 132–133). Вторая короткая заметка была опубликована тоже в «Вестнике ЛГУ» — в 1963 г. к 60-летию юбилею исследователя (*Иванов* 1963: 155–156). Одновременно заметка о юбиларе появилась в журнале «Советская археология», а в 1967 г. (к 65-летию ученого) был опубликован список его печатных работ (*Вагнер, Кирпичников* 1963: 124–126; *Каргер* 1967). Следующую небольшую заметку к 70-летию М. К. Каргера А. Н. Кирпичников написал уже в 1974 г. (*Кирпичников*

1974: 3–4). Большинство этих коротких юбилейных статей и заметок не содержали никаких биографических данных о самом юбиляре, кроме краткого перечисления его послевоенных экспедиций и публикаций.

Основные этапы научной биографии ученого оказались отражены всего в двух коротких публикациях: в статье, написанной к его 60-летию, и в некрологе, опубликованном вскоре после его кончины А. Н. Кирпичниковым (*Вагнер, Кирпичников 1963; Кирпичников 1977*). На долгие десятилетия сведения из этих двух статей стали «каноническими» и постоянно перепечатывались в разных изданиях и на страницах интернета. Только спустя четверть века вышли из печати воспоминания его учеников — Вал. А. Булкина, А. Н. Кирпичникова и Н. Н. Калитиной (*Булкин 2002; Калитина 2005; Кирпичников 2009; Овсянников 2009*). Но и эти публикации, передающие читателям студенческие впечатления о профессоре ЛГУ, ничего не добавляют к скудным сведениям о довоенном периоде жизни ученого и к страницам его биографии.

Несколько особняком от мемуарных и юбилейных заметок стоят публикации Г. В. Длужневской и сотрудников Новгородского музея (НГМЗ), в которых дано описание сохранившихся фрагментов личного архива М. К. Каргера (*Длужневская 2009; Зорина и др. 2005*). Г. В. Длужневская дала подробное описание наследия М. К. Каргера в Фотоархиве ИИМК РАН: от портретов ученого с 1931 по 1970-е гг. до коллекций экспедиционных фотографий². Во второй публикации дается краткий обзор личного фонда М. К. Каргера в составе архива НГМЗ, который образовался из фотографий, рисунков, рукописей и документов, переданных в музей после смерти ученого в 1977 г. Следует отметить, что в этих архивах нет ни одной семейной фотографии или биографических документов 1903–1940-х гг. (*Зорина и др. 2005*).

² Научный архив М. К. Каргера в Рукописном отделе НА ИИМК РАН находится в стадии обработки.

Единственной публикацией, где на основании архивной документации оказался очень коротко очерчен начальный период работы М. К. Каргера в ГАИМК, стала заметка Н. И. Платоновой в коллективной монографии «Академическая археология на берегах Невы» (Платонова 2013: 41–42).

Из публикаций и моих разговоров с А. Н. Кирпичниковым, который любил вспоминать о своем учителе и времени, проведенном в экспедициях под его руководством, сложилось впечатление, что Михаил Константинович не хотел вспоминать период 1920–1940-х гг. и никогда не упоминал в разговорах свою семью. Скорее всего, он не был откровенен с младшим поколением учеников, а старшее поколение его сотрудников таких воспоминаний не оставило. Поэтому в 1950–1970-е гг. многим казалось, что вся жизнь и научная деятельность М. К. Каргера прошла на виду у его коллег и учеников, которые довольно часто вспоминали своего учителя в неформальных беседах, но припомнить его рассказы с подробностями его биографии или семейные истории не смог никто.

Некоторые причины такой закрытости ученого, вероятно, связаны с трагическими событиями 1935–1936 гг., когда органами НКВД был сначала арестован и выслан из Ленинграда его младший брат Нестор, а затем обвинительные документы на него самого написали сотрудники Новгородского музея (Платонова 2013: 41; Шер 2014).

К сожалению, Михаил Константинович не оставил дневниковых записей или архива писем, и единственная возможность восстановить его личную и творческую биографию — это путь изучения архивных документов.

3. Родители и семья в Казани

Михаил Константинович Каргер родился 17 (30) мая 1903 г. в г. Казани «в семье учителей», как было написано

в автобиографиях и анкетах из его личных дел (рис. 1)³. Долгое время отсутствие достоверных сведений о родственниках ученого порождало различные слухи и домыслы о его происхождении. Из документов Национального архива Республики Татарстан (НАРТ) стало известно, что дедом М. К. Каргера и патриархом всей семьи являлся Иван Матвеевич Каргер, который родился в 1840 г. и происходил из николаевских кантонистов⁴. В его служебном формуляре было записано: «В службу вступил из кантонистов Симбирских батальонов, рядовым в Симбирский гарнизонный батальон 8.09.1858 г. Поступил во второй разряд неспособных (к строевой службе. — К. М.) при том же батальоне с назначением в служительскую команду при Симбирской комиссариатской комиссии — 1863 г.». В документах Военного министерства ему было засчитано 38 лет и 7 месяцев службы и «20 лет в чинах», т. е. только с 1859 г., без зачета службы в кантонистах⁵. Из послужного списка следует, что с 1864 по 1898 г. И. М. Каргер служил в Казанском окружном интендантском управлении Военного министерства, где из солдат (писарей) за 34 года дослужился до коллежского асессора (VIII чин по табели о рангах Российской империи) и должности помощника столоначальника Казанского окружного интендантского управления (по другим документам — должности помощника бухгалтера управления)⁶. И. М. Каргер

³ НАРТ. Ф. 4. Оп. 169. Д. 78. Л. 17 об. — 18; РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 374. Л. 6, 12, 25, 27.

⁴ НАРТ. Ф. 977. Оп. л-д. Д. 33611. Л. 13–18; Д. 31650. Л. 16–21; РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 20608. Л. 6–8. Кантонисты (от нем. *Kantonist* — новобранец) — несовершеннолетние сыновья нижних воинских чинов Российской империи и ряда других сословий, сами принадлежавшие к военному званию, т. е. к военному ведомству, и в силу своего происхождения обязанные к обучению в школах кантонистов и к военной службе. Отменено в 1856 г.

⁵ НАРТ. Ф. 977. Оп. л-д. Д. 33611. Л. 13 об.; Д. 31650. Л. 16 об.

⁶ РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 20608. Л. 12 об. В действительности он провел в императорской армии около 45 лет.

был женат на девице Екатерине Ивановне Козьминой, которая, вероятно, происходила из небогатых казанских мещан. В 1911 г. его супруге исполнилось 63 года, т. е. родилась она около 1848 г. и была моложе своего мужа⁷. На 1902 г. в семье насчитывалось семь выживших детей: Сергей (22.09.1871), Серафима (28.07.1874), Константин (13.05.1881), Мария (12.07.1883), Елена (01.05.1887), Михаил (01.11.1889) и Виктор (1894 г.).

Из архивных документов следует, что на 1902 г. Иван Матвеевич Каргер и его семья проживали в собственном доме на Засыпкинской улице в Казани и совсем рядом — в Пятницкой церкви Богородицкого монастыря были крещены многие из его детей (рис. 2, 3). В той же церкви был отпет 30 мая 1907 г. и сам Иван Матвеевич. В метрической книге Казанской духовной консистории в записи о смерти И. М. Каргера отмечено, что он умер от воспаления легких 26 мая 1907 г. в возрасте 65 лет⁸.

Иван Матвеевич при жизни смог дать высшее образование двум старшим сыновьям (Сергею и Константину), которые закончили 1-ю Казанскую мужскую гимназию и курс Казанского университета (рис. 4, 5), и, как минимум, одной из старших дочерей — Марии, которая закончила женскую гимназию и учительские курсы. Его младшие сыновья Виктор (рис. 6) и Михаил закончили университет уже после смерти своего отца.

На 1903 г. из родственников М. К. Каргера были живы: родители отца, три родных дяди и три тети в Казанской губернии, а также родная тетья и дед по линии матери в Чистополе, а также, вероятно, двоюродная бабушка по линии Козьминых в Казани. Безусловно, в Поволжье проживало довольно много его близких и дальних родственников, которых он никогда не упоминал в документах или разговорах с коллегами или учениками.

⁷ Там же.

⁸ НАРТ. Ф. 4. Оп. 169. Д. 105. Л. 255 об. — 256.

В 1936 г. сотрудник Русского музея Я. П. Гамза (Гамзахурди) пытался обвинить М. К. Каргера в скрытом им дворянском происхождении. Однако, как видим, дворянами Каргеры не были и обвинения Михаила Константиновича и Нестора Константиновича «в чуждом происхождении» могли быть основаны на сопоставлении их фамилии с финской или кубанской семьями дворян фон Каргеров или были просто мистификацией. Есть упоминания, что Нестор Константинович был арестован и выслан из Ленинграда Постановлением особого совещания при НКВД от 9 марта 1935 г. как бывший дворянин и социально опасный элемент⁹. Но никаких документальных подтверждений дворянского статуса семьи или ее отдельных членов мне обнаружить не удалось.

К сожалению, подробно проследить судьбу разветвленной семьи казанских Каргеров после революции не получается, так как биография родственников ученого достоверно прослеживается только до 1917 г. Скорее всего, судьба ее членов оказалась обычной для эпохи Гражданской войны и первых десятилетий советской власти, когда представители одной фамилии оказывались по разные стороны баррикад, исчезали во время многочисленных «чисток», меняли место жительства или эмигрировали.

В письме своему казанскому приятелю и однокашнику по учебе на Археологическом отделении ФОН П. Е. Корнилову¹⁰ от 12 марта 1926 г. М. К. Каргер пишет: «...состав моих “родственников” в Казани совсем развалился. Негде даже голову преклонить», из чего можно сделать вывод, что его бабушка

⁹ См.: <https://bioslovhist.spbu.ru/hist-pg-ld/2864-karger-nestor-konstantinovic.html>

¹⁰ Петр Евгеньевич Корнилов (1896–1981) — историк искусства, библиофил и коллекционер рисунков русских художников; с 1932 г. являлся сотрудником Русского музея, преподавал в Ленинградском институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина и в Ленинградском высшем художественно-промышленном училище им. В. И. Мухомой.

и тетя, проживавшие в Казани, ушли из жизни в 1925 — начале 1926 г.¹¹ Из того же письма П. Е. Корнилову можно сделать вывод, что до 1926 г. Михаил Константинович регулярно бывал в Казани, останавливался в доме деда, поддерживал отношения с оставшимися родственниками и знал семейную историю.

Отец ученого Константин Иванович Каргер, как свидетельствуют записи в метрической книге Пятницкой церкви Казани, родился 13 мая 1881 г. в Казани и был окрещен в Пятницкой церкви вместе со своим братом-близнецом Михаилом, который умер «от золотухи» через 2 месяца после рождения. Восприемницей при крещении записана казанская мещанка, девица Наталья Ивановна Козьмина (вероятно, сестра бабушки М. К. Каргера)¹².

К. И. Каргер закончил курс в Императорской Казанской 1-й мужской гимназии, с 1899 г. продолжил обучение на историко-филологическом факультете Казанского университета. В 1902 г. К. И. Каргер женится на Елене Андреевне Фалиной и в 1903 г. заканчивает университет (рис. 7). Среди семейных документов сохранился диплом об окончании Казанского университета и защите выпускного сочинения «Юридическое и социальное состояние крестьян по уложению Царя Алексея Михайловича», написанного Константином Ивановичем¹³. В 1903 г. у четы Каргеров рождается первенец Михаил, а в 1904 г. — второй сын Нестор. После окончания Константином университета молодые родители отправляются в село Ровное (колония Зельман) в Новоузенском уезде Самарской губернии, где Константин Иванович работает преподавателем в новообразованной учительской семинарии. В Ровном семья остается, вероятно, до августа 1912 г., когда отца Михаила и Нестора переводят преподавателем латыни в новообразованную 2-ю мужскую гимназию в Самаре. В ней

¹¹ ОР ГРМ. Ф. 145. Оп. 3. Ед. хр. 30. Л. 8 об.

¹² РО НА ИИМК РАН. Ф. 85.

¹³ Там же. Д. 206.

он преподает историю и географию в чине надворного советника до 1917–1918 гг. Елена Андреевна также работает — ведет уроки рукоделия в 40-м самарском училище (*Памятная книжка* 1916: 65, 77).

Мать Михаила Константиновича Елена Андреевна Фалина родилась в купеческой семье, происходившей из города Чистополя. В личном архиве ученого осталось несколько биографических документов его родителей, которые позволяют прояснить некоторые темные пятна их биографий. Например, от Е. А. Каргер (Фалиной) сохранились: Трудовой список от 1928 г., Диплом об окончании курса в Казанской Мариинской женской гимназии от 14 июля 1900 г.; Прошение директору Виленского учительского института от 22 августа 1917 г. о принятии слушательницей; Похвальные листы ученицы V и VI класса Казанской Мариинской женской гимназии за 1897 и 1898 гг.¹⁴ Согласно этим документам, после окончания гимназии Е. И. Каргер (Фалина) в 1900–1902 гг. работала учительницей в смешанных приходских школах в Казани. С 1908 по 1920 г. она преподавала математику и рукоделие в начальных училищах Самары и Самарской губ. В 1920 г. она поступает в Самарский университет, где учились ее сыновья и преподавал ее муж, и в 1923 г. заканчивает его. С 1924 по 1928 г. Елена Ивановна числилась преподавательницей математики в школе II степени в Самаре¹⁵.

В 1918 г. Самара оказалась в эпицентре Гражданской войны и стала одним из центров антибольшевистских выступлений. Некоторое время в городе находилось правительство КОМУЧа и войска белочехов. В анкете 1949 г. на вопрос «Были ли ваши родственники на территории белых» М. К. Каргер коротко отвечает: «Я был в Самаре в 1918 г. Во время чехословацкого мятежа учился в школе»¹⁶. Просмотр выявленных архивных документов не позволяет говорить об активной политической позиции или политических симпатиях семьи Каргеров. Сам

¹⁴ Там же.

¹⁵ РО НА ИИМК РАН. Ф. 85.

¹⁶ НА ВАХ. Ф. 7. Оп. 4. Ед. хр. 107. Л. 88–89 об.

факт, что они остались в городе после разгрома КОМУЧа и не пострадали во время красного террора, может свидетельствовать о том, что семья М. К. Каргера оставалась в стороне от активной политической жизни или же вовремя стала сотрудничать с советской властью. В то же время в городе открывается новый университет, где преподают профессора, бежавшие из Москвы и Петербурга. В деле Самарского университета отмечено, что уже в 1920 г. Константин Иванович преподает методику истории на педагогическом факультете Самарского государственного университета¹⁷. Также в качестве своего места службы он упоминает Институт народного образования. Тема его лекций — «Методика истории» на «Социально-экономическом и Л. Х. отд[елении] Пед[агогического] ф[акультета] и ист[орического] фак[ультета] Раб[очего] фак[ультета]». На этом сведения о родителях в документах университета прерываются. Михаил Каргер в студенческой анкете пишет, что его отец — «зав[едующий] учебн[ой] частью Рабфака Самарского университета и преподаватель ФОНа»¹⁸.

В архиве семьи известных советских археологов В. А. Ильинской и А. И. Тереножкина сохранился табель Алексея Ивановича Тереножкина, который учился на курсах краеведения в Самаре. Из записей в таблице следует, что в 1926 г. он успешно сдал К. И. Каргеру экзамен по экономической географии, а В. В. Гольмстен — археологию¹⁹. Таким образом, можно предположить, что К. И. Каргер продолжал работать в Самарском университете до его закрытия в 1927 г. и параллельно на Высших этнологических курсах, которые с 1925 г. стали называться курсами краеведения (*Сташенков* 2019: 47)²⁰.

¹⁷ ЦГАСО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 847. Л. 1–3.

¹⁸ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 6. Ед. хр. 925. Л. 12 об.

¹⁹ См.: <https://www.facebook.com/702282786591559/photos/pb.100040749852632.-2207520000./1828569193962907/?type=3>

²⁰ Первоначально руководителем курсов был академик В. Н. Петец, с 1922 г. — профессор П. А. Преображенский, секретарем — профессор В. В. Гольмстен (*Сташенков* 2019: 46).

По-видимому, после закрытия Самарского университета, в конце 1920 — начале 1930-х гг., родители ученого переезжают в Москву, где проживают до 1940-х гг.²¹ В анкете за 1935–1936 гг., сохранившейся в архиве Русского музея, М.К. Каргер указывает, что его отец работает «помощником директора показательной школы Наркомпроса» в Москве и проживает там же по адресу: ул. Радио, д. 10²². Но уже в автобиографии 1937 г. он пишет, что его отец работает в московских школах и преподает в Высшем институте физкультуры им. Сталина²³. Константин Иванович Каргер, судя по документам, продолжал преподавательскую деятельность до самой своей кончины в Москве в 1940 г.²⁴ В декабре 1944 г. М.К. Каргер просит дирекцию Академии художеств предоставить ему пропуск и отпуск для поездки в Москву по «семейным обстоятельствам». По-видимому, это связано с тем, что в декабре умирает его мать Елена Андреевна Каргер²⁵. В 1942 г. на фронте погибает младший брат Михаила Нестор, и после этого близких родственников у него не осталось.

4. Самара: 1912–1922 гг.

В 1919 г. Михаил Каргер закончил 2-ю Самарскую гимназию, где он учился с 1912 г. по преподавательской льготе отца, и поступил на историческое отделение историко-филологического факультета Самарского государственного университета, где преподавал Константин Иванович²⁶. В том же 1919 г. он устраивается на работу в библиотеку им. Ок-

²¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 343963/2. Л. 2.

²² ГРМ (I). Оп. 10. Ед. хр. 188. Л. 39–40.

²³ РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 374. Л. 12.

²⁴ НА РАХ. Ф. 7. Оп. 4. Ед. хр. 107. Л. 50–51 об.

²⁵ Там же. Л. 54, 106–107; РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 374. Л. 56.

²⁶ РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 374. Л. 6.

тябрьской революции и затем в библиотеку им. А. И. Герцена. В следующем 1920 г. он уже работает в библиотеке красноармейского клуба и параллельно — заведующим Центральной гарнизонной библиотекой и инструктором клубно-библиотечной секции Политотдела в Самарском Губвоенкомате, затем в Губполитпросвете. В одной из анкет Михаил Каргер собственноручно записывает: «...в Красной армии и РККА с 1919 по 1923, всего 4 года, высшая должность: в качестве вольнонаемного в Политотделе»²⁷.

В университетских анкетах Михаил Каргер указывает, что в Самарском университете он вел активную общественную работу и в 1921 г. был назначен ассистентом при Археологическом кабинете СГУ, а также был избран внештатным научным сотрудником Самарского губернского музея, где заведующей была В. В. Гольмстен²⁸. В 1938 г. в личном листке по учету кадров Академии художеств ученый дополнил биографические данные и указал, что с 1920 по 1922 г. являлся ассистентом и заведующим кабинетом в Самарском государственном университете, а в 1921–1922 гг. — научным сотрудником СГУ²⁹.

Первый опыт археологических раскопок исследователь получил там же, в Самаре. В 1921 г., по его словам, он участвует в раскопках Барбашинского могильника на окраине города под руководством известного историка и археолога — профессора Алексея Степановича Башкирова в должности «зам. зав. археологическими раскопками»³⁰. Именно от А. С. Башкирова студент Каргер мог впервые узнать о петербургской школе археологии, познакомиться с методикой работы и археологическими находками (*Сташенков* 2014: 326). Вероятно,

²⁷ ГРМ (I). Оп. 10. Ед. хр. 188. Л. 34.

²⁸ В. В. Гольмстен заведовала музеем с 21 ноября 1921 г.

²⁹ НА РАХ. Ф. 7. Оп. 4. Ед. хр. 107. Л. 3 об.

³⁰ А. С. Башкиров закончил Петербургский университет и Археологический институт, учился у Б. В. Фармаковского и М. И. Ростовцева, впоследствии преподавал в МГУ (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 6. Ед. хр. 925. Л. 12 об.).

В. В. Гольмстен и А. С. Башкиров стали первыми его учителями как в полевой археологии, так и в музейной работе.

В Самарском университете Михаил Каргер, по-видимому, посещал новаторские лекции знаменитого филолога, академика В. Н. Перетца, который руководил факультетом. В условиях Гражданской войны последний подготовил рукопись новой книги, посвященной методологии русской литературы, на основе которой читал лекционный курс, пользовавшийся популярностью у студентов. Издательский студенческий комитет социально-исторического факультета Самарского государственного университета 10 февраля 1921 г. даже отправил специальное письмо С. И. Соболевскому в МГУ с просьбой помочь в продвижении этого пособия. Под текстом стоит подпись: «Председатель Комитета Мих[аил] Каргер» (*Робинсон* 2020: 454–455)³¹.

Окончание юности и самарский период в жизни нашего героя совпали с окончанием Гражданской войны и массовым голодом в Поволжье, который остро чувствовался в Самаре. Отец — К. И. Каргер, получал в это время дополнительный продовольственный паек, который выделяли голодающим студентам и преподавателям международных организаций.

В 1922 г. в студенческой анкете М. К. Каргер написал, что по поручению Самарского губернского исполкома он проводил сборы хлеба для детей Самарской губернии в Туркестане (Ташкент, Самарканд, Мерв и Байрам-Али). Впоследствии этот факт своей биографии он нигде больше не упоминал³². По-видимому, невыносимые условия для жизни и учебы в голодающей Самаре заставили Михаила и Нестора Каргеров покинуть родителей и перевестись в Петроградский университет.

³¹ Книга была опубликована в Петрограде: Перетц В. Н. Краткий очерк методологии истории русской литературы: Пособие и справочник для преподавателей, студентов и для самообразования. Пг., 1922. 164 с.

³² ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 6. Ед. хр. 925. Л. 14.

В Самаре Михаил Каргер закончил гимназию и три курса университета, успел поработать в музее и библиотеке, познакомился с московскими археологами и поучаствовал в первых раскопках. Именно в Самаре была заложена база того фундаментального образования, которое впоследствии позволило ему успешно заниматься наукой. Архивные документы дают возможность восстановить некоторые моменты его рано начавшейся трудовой биографии — Михаил Каргер сразу после окончания гимназии был вынужден искать работу и довольно рано оказался вовлечен в деятельность советских органов власти и образования в Самаре. Вероятно, именно служба в Самарском губвоенкомате и учеба в СГУ позволили ему избежать мобилизации в Красную армию и избавили от вооруженного участия в Гражданской войне. Но можно предположить, что работа в советских губернских органах Самары способствовала ранним проявлениям конформизма и определила те особенности характера ученого, которые отмечали его ученики и знакомые и которые продемонстрированы уже в его письмах 1920-х гг. Первые юношеские годы ученого прошли между «не советским» (по его словам) Самарским университетом и большевистским Губкомом Самары. Безусловно, ему приходилось регулярно менять линию своего поведения, приспособившись к столь разным социальным средам. Но впоследствии даже с близкими друзьями и учениками Михаил Константинович был всегда крайне осторожен в высказываниях, особенно письменных, и в открытых проявлениях собственной личной, общественной или политической позиции.

5. Ленинград: 1922–1929 гг.

В 1922 г. Михаил Каргер (рис. 8) вместе с младшим братом Нестором (рис. 9) переводится из Самарского в Петроградский университет на факультет общественных наук (ФОН).

К личному делу студента Петроградского университета приложена справка о том, что М. К. Каргер является сыном преподавателя Самарского государственного университета и «на основании постановления Коллегии Главпрофобра о льготах детям профессоров и преподавателей ВУЗ имеет право на внеочередное поступление в ВУЗ» (рис. 10)³³.

В 1923 г. М. К. Каргер пишет своему казанскому другу П. Е. Корнилову о своей учебе: «Сычѣв организовал при Русском Музее “Семинарий по искусству эпохи Грозного”. Состав Семинария довольно высококвалифицированный. Принимают участие некоторые профессора: П. К. Симони, П. В. Малицкий, ассистенты Ун[иверсите]та (Лютер и др.), работники Музея и несколько человек, окончившие Институт истории искусства. Попал в эту “ученую” компанию и я грешный, по приглашению Н. П. Сычѣва. Работа идет очень успешно. Собираемся каждый четверг в Музее. Бывают доклады, иногда очень интересные. Составляем картотеку памятников искусства этой эпохи, по таким разделам: иконография, памятники живописи, шитья и др. <...> Я сделал доклад “Опыт историографии Строгановской иконописной школы”. Брехал часа полтора... <...> Все силы употребил на зачетную работу... Зодчество Русского Барокко»³⁴. В 1923 г., скорее всего по рекомендации Н. П. Сычѣва, он становится внештатным сотрудником Русского музея³⁵.

В письме от 03.12.1925 г. М. К. Каргер пишет: «Сейчас работаю над окончанием своих магистерских экзаменов. Через год — полтора думаю заканчивать и выходить на самостоятельное место. Без опеки “патрона” (Сычѣва. — К. М.)»³⁶.

Как видим, начало научной карьеры М. К. Каргера в Ленинграде связано с именем одного из основателей РАИМК, бывшего директора Русского музея и заведующего его худо-

³³ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 6. Ед. хр. 925. Л. 6.

³⁴ ОР ГРМ. Ф. 145. Оп. 3. Ед. хр. 30. Л. 1 об. — 2.

³⁵ ГРМ (I). Оп. 10. Ед. хр. 188. Л. 27, 33–34.

³⁶ ОР ГРМ. Ф. 145. Оп. 3. Ед. хр. 30. Л. 3 об.

жественным разрядом, профессора Петроградского университета и Академии художеств Николая Петровича Сычёва (Медведева 2022а: 217–241). Именно поддержка и покровительство, которое профессор Н. П. Сычёв оказывал молодому специалисту, помогли началу успешной научной и преподавательской карьеры М. К. Каргера в Ленинграде (рис. 11). Об этом ему впоследствии напомнят в обвинительном докладе комиссии Ленсовета, произнесенном В. С. Ундревичем на сессии ГАИМК в 1936 г.³⁷

Каргер отвечает на эти обвинения в стиле советского дискурса, отказываясь от уже арестованного учителя: «Вы говорите: Сычёв. Никаким особым учителем Сычёв моим не был, потому что я учился в основном в Самарском университете. Но кандидатскую работу принял действительно Сычёв, и “оставление при университете” подписал Сычёв...»³⁸

Информация, полученная из писем и обвинений М. К. Каргера в связях с «врагом народа», находит подтверждение в записи стенограммы выступления К. К. Романова, который 13 октября 1936 г. на общем собрании ГАИМК, посвященном «делу Каргера», вспоминал:

³⁷ «Возьмем учителей Каргера, у кого Каргер обретал свою науку, под чьим руководством он формировался, как научный работник? Формулярный список получается неважный: Сычёв, от которого Каргер потом откажется, не знаю, заблаговременно или с опозданием, затем — ЛИФЛИ во главе с Пальвадрэ, Горловским, разоблаченными, как враги народа, под крылышком Кипарисова, затем ГАИМК с тем же Кипарисовым, Цвибаком, вокруг которых молва в свое время считала и Каргера, который за несколько дней до разоблачения Цвибака переменял на 180° свой фронт. Это то окружение и руководство, под которым слагался Каргер, как научный работник» (РО НА ИИМК. Ф. 2. 1936. Д. 167. Л. 21).

Цвибак М. М. (1899–1938) — историк, в ГАИМК с 1930 г., заведующий Институтом феодального общества в ГАИМК с 1932 по 1935 г. Арестован в 1937 г. (Платонова 2013: 394).

³⁸ РО НА ИИМК. Ф. 2. 1936. Д. 167. Л. 61–62.

Я услышал в первый раз фамилию Каргера в заседаниях Совета Археологического института. Это было, приблизительно, в 1921–22 гг., т[ак] к[ак] в 1923 г. Археологический Институт был присоединен к ЛГУ³⁹. Слышал я о Каргере на 2–3 заседаниях от Сычёва, который говорил, что есть один талантливый человек, только что закончивший Университет, и что нужно непременно оставить его при Университете, но т[ак] к[ак] это не удастся сделать в ЛГУ из-за отсутствия соответствующих стипендий, то Археологический Институт, заинтересованный в подготовке специалистов, должен помочь в этом деле и из своих четырех стипендий уступить одну Каргеру. Сычёв упорно добивался этого. В конце концов, Каргер остался при Университете. В то время Каргер занимался, как ученик Сычёва, работая у него в ЛГУ, иконографией и стенописью; он много ездил на места и привозил большие материалы. Затем Каргер перешел на другую работу. Этот переход отразился на его работе о Свяяжском соборе и затем о Свяяжской стенописи. Я должен сказать, что при моем первом знакомстве с Каргером сложилось совершенно отчетливое впечатление, которое осталось и в дальнейшем, что это — человек талантливый, умный, способный, который умеет работать, и если у него и были промахи, то это были промахи молодого начинающего научного работника⁴⁰.

После окончания университетского курса молодой исследователь защищает кандидатскую работу «Зодчество Московского Барокко» и, будучи оставлен на кафедре на три года, активно преподает и занимается организацией летних практик студентов ФОН⁴¹.

В автобиографии 1938 г., сохранившейся в архиве Академии художеств, М. К. Каргер написал: «За время с января 1927 г. по февраль 1927 г. сдал перед факультетской комиссией пять магистрантских испытаний на темы: 1) Византийская

³⁹ Археологический институт был присоединен к университету не в 1923 г., как указывал К. К. Романов, а в 1922 г. (*Тихонов* 2003: 144, 147).

⁴⁰ РО НА ИИМК. Ф. 2. 1936. Д. 167. Л. 201–201 об.

⁴¹ НА РАХ. Ф. 7. Оп. 4. Ед. хр. 107. Л. 5.

монументальная живопись XIV–XVI вв. (отзыв проф. Айналова и Сычёва). 2) Русская монументальная живопись XIV–XVI вв. (отзывы проф. Сычёва и Романова). 3) Сасанидская скульптура (отзывы проф. Орбели и Сычёва). 4) Зодчество и пластика Владимиро-Суздальской Руси XII–XIII вв. (отзывы проф. Романова и Сычёва). 5) Эллинистическая портретная живопись (отзывы проф. Вальдгауэра, Фармаковского и Сычёва)»⁴². То есть единственным профессором, который написал отзыв на все его экзаменационные работы, опять оказался Н. П. Сычёв. В мае 1927 г. Михаил Каргер защитил квалификационную работу «Из истории культурно-художественных взаимоотношений Пскова и Москвы», и 19 мая 1927 г. в ЛГУ ему была присуждена «научная квалификация, дающая право на ведение научно-исследовательской работы»⁴³.

Именно ученичество у выдающегося исследователя древнерусского искусства Н. П. Сычёва представляется ключевым моментом в становлении М. К. Каргера в качестве исследователя древнерусской архитектуры. По-видимому, именно Николай Павлович наметил основные направления дальнейших исследований своего ученика на древнерусских памятниках в Новгороде и Киеве. Даже последующее отречение М. К. Каргера от учителя не отменяет этого факта.

Материальное положение иногороднего студента в послевоенном Петрограде должно было быть довольно затруднительным. Поэтому параллельно с обучением в университете он поступает на работу инструктором клубно-библиотечного отдела Политотдела XI дивизии и экскурсоводом в Экскурсионно-лекционную базу Политпросвета Петроградского Губоно, где проработает до 1929 г. В конце карьеры профессионального экскурсовода он даже стал заведующим художественным сектором⁴⁴. Полученный опыт ведения экскурсий помогал

⁴² Там же.

⁴³ Там же.

⁴⁴ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 5. Д. 138. Л. 4–5.

молодому преподавателю в его музейной деятельности и при работе со студентами. Его ученики и коллеги часто вспоминали редкий дар рассказчика и высокий уровень лекций, посвященных древнерусской архитектуре и памятникам культуры, который демонстрировал Михаил Константинович до самых последних лет.

Через год учебы в Петрограде (20 октября 1923 г.) М. К. Каргер вступает в свой первый брак — со студенткой Марианной Яковлевной Юсминой 1896 г. рождения, продлившийся до 1930 г.⁴⁵

Во время обучения в Петроградском университете М. К. Каргер, по-видимому, продолжает посещать филологический семинарий академика В. Н. Перетца, с которым он был знаком со времени обучения в Самаре. Исследователь научного наследия знаменитого российского филолога М. А. Робинсон считает, что знакомство Михаила Каргера с В. Н. Перетцем могло быть довольно близким, так как студент счел возможным обратиться к академику с личной просьбой, а тот откликнулся на нее: «Так, в письме от 10 ноября 1925 г. Перетц просил знаменитого юриста, почетного академика А. Ф. Кони “помочь добрым советом” М. К. Каргеру, “моему слушателю по Университету”. Он, — писал ученый, — пострадал в одном деле — по-моему, незаслуженно. Но вследствие болезни сердца я лишен возможности лично быть ему полезным. К тому же я не обладаю сотою долею того авторитета, который имееете Вы» (Робинсон 2020: 455).

В сентябре 1925 г. М. К. Каргер пишет П. Е. Корнилову в Казань о ликвидации музея бывшего Археологического института, который был присоединен к Университету: «Вче-

⁴⁵ ЦГА СПб. Ф. Р-6143. Оп. 3. Ед. хр. 1089. № записи 3620. Адрес М. Я. Юсминой (Петроград, ул. Воинова, 30, кв. 5) в Ленинграде не совпадает с местом проживания семьи. В первом браке М. К. Каргер состоял с 1923 по 1930 г. В анкете он написал, что состоял в браке с 1922 по 1933 г. (НА РАХ. Ф. 7. Оп. 4. Ед. хр. 107. Л. 88 об.).

ра окончательно ликвидировали мой музей⁴⁶ (на Фонтанке), все растащили по разным местам. Археологическое отделение переехало в Университет»⁴⁷. К сожалению, это единственное упоминание о тесной связи М. К. Каргера с музеем.

В письмах П. Е. Корнилову он также упоминает о своей учебе. В марте 1926 г.: «На днях сдал экзамен 3-й магистерской. Экзамен на тему “Сасанидская пластика”. Подал И. А. Орбели работу на тему “Основные моменты в развитии Сасанидского искусства”...»⁴⁸

В 1928 г. М. К. Каргер переведен в число старших ассистентов ЯМФАКа ЛГУ с «поручением самостоятельного курса по древнерусскому искусству»⁴⁹. По некоторым сведениям, аспирант М. К. Каргер, который одновременно был ассистентом факультета, работал по индивидуальному плану и руководил семинарием по русскому искусству XIV в. Летом 1929 г. ЯМФАК был преобразован в историко-лингвистический факультет, где на отделении истории продолжала работать кафедра русского искусства и материальной культуры во главе с Н. П. Сычёвым и на которой Каргер числился уже старшим ассистентом (*Тихонов* 2003: 154, 279).

Кажется, первым студенческим выпуском, полностью прослушавшим его лекционный курс в ЛГУ, стал выпуск, в который входили Б. Б. Пиотровский, И. П. Стуккей-Рождественская, М. Д. Семиз и др.⁵⁰

⁴⁶ По-видимому, М. К. Каргер пишет о музее в здании Археологического института (Фонтанка, 22), который в 1922 г. был присоединен к ЛГУ (*Тихонов* 2003: 143–144, 147–148).

⁴⁷ ОР ГРМ. Ф. 145. Оп. 3. Ед. хр. 30. Л. 4 об.

⁴⁸ Там же. Л. 8.

⁴⁹ НА РАХ. Ф. 7. Оп. 4. Ед. хр. 107. Л. 5.

⁵⁰ М. В. Рождественская вспоминала, что ее мама (И. П. Стуккей-Рождественская) рассказывала о смешных случаях, которые происходили с молодым преподавателем. Так, во время экскурсионной поездки в Киев (1927 или 1929 г.) М. К. отстал от поезда «с одним чайником», и студенты оказались в Киеве без руководителя.

Параллельно с учебой и затем преподаванием в университете Каргер читает лекции в Государственном институте истории искусств (далее — РИИИ-ГИИИ) (1928–1930 гг.)⁵¹, куда он пришел, по-видимому, по стопам Н. П. Сычёва, который там преподавал, и именно там он мог познакомиться с А. С. Гуциным, который ему впоследствии помог.

Уже в 1920–1930-е гг. М. К. Каргер производил яркое впечатление на студентов, воспоминания о его лекциях сохранялись в памяти слушателей и после окончания института⁵². Пожалуй, самое красочное впечатление о лекциях учителя оставил Вал. А. Булкин: «Лекции Михаил Константинович читал мастерски, вдохновенно, с огромной внушающей силой, в полной мере проявляя артистические стороны своей натуры... Материал излагался последовательно, без пропусков. Рисовалась не просто историко-художественная канва, но красочная панорама истории древнерусского искусства. То и дело в общую картину вплетались красочные эпизоды исследовательского поиска, история того или иного памятника драмати-

⁵¹ Личное дело М. К. Каргера // РО НА ИИМК РАН РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 374. Л. 13.

⁵² Например, студент ГИИИ середины 1920-х гг. А. Д. Милов помнил выступления Каргера перед студентами даже после тяжелого лагерного опыта и длительного временного перерыва. В письме сотруднице ГРМ И. Я. Богуславской от 11 апреля 1988 г. он пишет о событиях 1920-х гг. в ГИИИ: «Жизнь тогда кипела, но иногда порождала нетерпимостью к мнению друг друга. Вот пример: В эрмитажном театре проходит обсуждение нового труда Фриче “Социология искусства”. Выступает социолог Михайлов и наш профессор Каргер. Оба они отмечают ценность этого труда, но если для Михайлова эта книга — истина в последней инстанции, то для Каргера она лишь начало большой последующей работы социологов в будущем, развивающей, дополняющей и уточняющей сделанные выводы ее автора, мнение безусловно правильное, но что тут поднялось! Михайлов обрушился на Каргера с обвинениями чуть ли не во вредительстве. Каргер побледнел, а мы студенты сидели и слушали эту перепалку как оплеванные» (ОР ГРМ. Ф. 100. Оп. 1. Ед. хр. 627. Л. 2–3 об.).

зировалась, появлялась увлекательная интрига. Открытия делались, как бы на глазах студентов. К тому же факты “шли” к слушателю на мощной волне искреннего вдохновения и восхищения древнерусским искусством. Артистическое владение словом, интонацией, жестом при полном отсутствии аффектации, ложного пафоса и гелертовского умствования пробуждали в слушателях не только историческое чувство, но и эстетическое переживание. В лекциях Михаил Константинович был более всего самим собой, более чем когда-либо искренен и раскрыт для других» (*Булкин 2002: 281*).

В фондах архива НГМЗ сохранились отчеты о занятиях научного сотрудника М. К. Каргера за 1925–1927 гг., утвержденные археологическим отделением факультета общественных наук ЛГУ, которые дают представление о тематике его первых учебных курсов и начале его педагогической деятельности: «Неовизантийская монументальная живопись XIV–XVI вв.», 1925 г.; «Русская монументальная живопись XIV–XVII вв.» и «Владими́ро-Суздальское зодчество XII–XIII вв.», 1926 г. (*Зорина и др. 2005: 73*)⁵³.

В архиве НГМЗ также сохранился черновик рукописи, по-видимому, первого доклада М. К. Каргера в ГАИМК, датированного 1925 г. «Феофан Грек в Новгороде. Вступительное слово к дискуссии Российской Академии истории материальной культуры» (*Зорина и др. 2005: 74*). На данный момент это наиболее раннее свидетельство сотрудничества молодого исследователя с ГАИМК.

Мы мало знаем о близком круге общения Михаила Каргера, но можем предположить, что в середине 1920-х — начале 1930-х гг. приятельские отношения связывали его с Евгенией Александровной Пистолькорс (Кожинной) и Любовью Митрофановной Шуляк, которые работали под руководством К. К. Романова и которые регулярно упоминают его в личной переписке⁵⁴. По-видимому,

⁵³ ОПИ НГМ. Ф. 12. Оп. 1. Ед. хр. 919, 922–923.

⁵⁴ ОР ГРМ. Ф. 145. Оп. 3. Ед. хр. 30. Л. 1 об., 14, 41–41 об., 43.

в том же архитектурном разряде ГАИМК он впервые познакомился с Н. Н. Ворониным, Г. Ф. Корзухиной и В. А. Богусевичем, которые в это время учились в аспирантуре Академии и с которыми его всю оставшуюся жизнь связывали сложные личные и научные отношения.

Середина — вторая половина 1920-х гг. стали периодом активного самообразования, с многочисленными поездками, посвященными ознакомлению с памятниками древнерусской архитектуры. Из писем П. Е. Корнилову и по сведениям из командировочных удостоверений удастся частично восстановить маршруты многочисленных учебных и исследовательских путешествий Михаила Каргера в 1920-е гг.⁵⁵

⁵⁵ В 1923 г. М. К. Каргер планировал поездку в Казань и Свяжск; в 1925 г. отправляется по маршруту Судак — Феодосия — Алушта для изучения памятников Византии, далее: Владимир — Суздаль — Кидекша — Боголюбово — Александров — Ростов Великий — Юрьев-Польский — Москва — Звенигород. В Юрьеве-Польском М. К. посещает экспедицию К. К. Романова, которая занимается обследованиями Георгиевского собора. В 1926 г. — поездки в Казань — Свяжск — Ярославль — Александров — Москву — Новгород — Псков (Мирожский монастырь). В ГРМ сохранился запрос на командировку от 8 мая 1926 г.: «Прошу разрешить мне научную командировку для изучения фресковых росписей XVI в. в г. Казань, Свяжск, Чебоксары, Александров и Москву...» В августе — сентябре 1926 г. М. К. Каргер получает разрешение на поездку в Новгород и Псков «в связи с работой Отделения древнерусского искусства над новой экспозицией» (ГРМ (I). Оп. 10. Ед. хр. 188. Л. 4, 9–10).

В 1927 г. М. К. Каргер посещает Москву и Ярославль, а также командировается ГРМ в Киев «для ознакомления с памятниками архитектуры» (ГРМ (I). Оп. 10. Ед. хр. 188. Л. 15–18).

Также в 1927 г. он планирует поездку по городам: Вологда — Ферапонтов — Сольвычегодск — Великий Устюг — Усть-Сысольск — Новгород — Киев — Чернигов — Романов-Борисоглебск — Самара. В 1928 г. он командировается музеем в Москву, Ярославль, Кострому, Тутаев и Новгород «для изучения памятников древнерусской живописи» (ГРМ (I). Оп. 10. Ед. хр. 188. Л. 20, 22).

Большинство этих поездок, скорее всего, были совмещены с летними студенческими практиками ФОН и экскурсиями для студентов. По-видимому, уже после перехода в ГАИМК и до 1938 г. М. К. Каргер настолько был загружен работой, что с 1930 по 1936 г. он мог выезжать только в Новгород и Псков.

Первым самостоятельным полевым исследованием учебного стала работа в Свяжске, которую он провел в сотрудничестве с П. Е. Корниловым в 1926 г., занимаясь обмерами и фотофиксацией Свяжского собора и его росписей. Результатом этих работ стали две публикации, выпущенные при поддержке П. Е. Корнилова в Казани в 1928–1929 гг.: «Успенский собор Свяжского монастыря как архитектурный памятник» и «Крепостные сооружения г. Свяжска». До конца 1940-х гг. эти две статьи оставались самыми крупными публикациями исследователя.

В 1927 г. молодой ученый заканчивает аспирантуру ЯМФАКа и продолжает свою работу на кафедре истории русского искусства (затем в ЛИФЛИ), где в 1929 г. он становится доцентом кафедры (с 1929 по 1934 г.) (рис. 12). В 1930–1932 гг. он занимает должность заведующего кафедрой искусствоведения (потом музееведения) ЛИФЛИ, в 1930–1933 гг. — помощника заведующего Отделением истории материальной культуры ЛИФЛИ в звании доцента, а с 1935 по 1936 — должность заведующего отделением⁵⁶.

Параллельно с работой в университете в 1926 г. Михаил Каргер зачисляется помощником хранителя отделения художественного отдела Русского музея⁵⁷. Н. П. Сычѳв является

В 1929 г. исследователь вновь отправляется в командировку в Новгород (ГРМ (I). Оп. 10. Ед. хр. 188. Л. 42; ОР ГРМ. Ф. 145. Оп. 3. Ед. хр. 30. Л. 2 об., 4–4 об., 9, 11, 19, 20, 24 об., 41 об., 49).

В 1930 г. ГАИМК командировует его в Псков, Новгород, Киев и Переяславль Южный.

⁵⁶ НА РАХ. Ф. 7. Оп. 4. Ед. хр. 107. Л. 3 об., 12; ГРМ (I). Оп. 10. Ед. хр. 188. Л. 33–34.

⁵⁷ НА РАХ. Ф. 7. Оп. 4. Ед. хр. 107. Л. 3 об.

руководителем этого отделения и одновременно научным руководителем молодого сотрудника в университете. В дальнейшем совместная работа привела к конфликту между учеником и учителем, который К. К. Романов в 1936 г. описывал следующим образом: «...я был приглашен в Комиссию Русского музея, где обсуждался вопрос об экспозиции, и было два проекта экспозиции — Сычёва и Каргера. По существу, я бы сказал, внутренне эти проекты были очень близки, только один охватывал очень обще все, а другой разрабатывал подробно отдельную сторону. При обсуждении этого вопроса получилась совершенно явно какая-то личная подоплека, было видно, что и тот, и другой слишком рьяно относятся к этому делу, что тут не просто научный вопрос, а что-то другое»⁵⁸.

Авторский текст проекта экспозиции отделения древнерусского искусства художественного отдела Государственного Русского музея М. К. Каргера, который может датироваться 1929–1930 гг., сохранился в архиве ГРМ⁵⁹. Проект был выдержан в достаточно провокационном марксистском стиле, характерном для историков школы академика М. Н. Покровского. Неудивительно, что он мог вызвать неприятие старшего поколения сотрудников музея.

Из писем П. Е. Корнилову, выступлений по «делу Каргера» 1936 г. и сообщения К. К. Романова можно сделать вывод, что конфликт между учителем и учеником возник задолго до ареста Н. П. Сычёва и, возможно, был связан с соперничеством в профессиональной сфере. Со временем стало ясно, что подходы М. К. Каргера и Н. П. Сычёва к памятникам, их методика работы и публикации отличались диаметрально образом. Конфликт мог быть обусловлен особенностями личностей ученика и учителя, но скорее он был связан, как мне кажется, с поколенческой разницей мировоззрений, темпераментами и расхождением в подходах к одному и тому же материалу.

⁵⁸ РО НА ИИМК. Ф. 2. 1936. Д. 167. Л. 202.

⁵⁹ ГРМ (I). Оп. 1. Ед. хр. 260. Л. 32–54.

Если у Н. П. Сычёва превалировал «художественный» подход, то у М. К. Каргера, в силу особенностей образования, — «исторический». Если Сычёв обладал прекрасной художественной и реставрационной подготовкой, то Каргер никогда не делал зарисовок в экспедициях и, кажется, сам никогда не рисовал и не вел дневников, но с 1920-х гг. широко пользовался фотографией и после себя оставил огромное количество снимков памятников древнерусской архитектуры. Главное — в отличие от учителя, М. К. Каргер смог реализовать свои преимущества в многочисленных публикациях, посвященных древнерусскому зодчеству.

Никаких документальных следов этого конфликта в виде докладных записок или «доносов» М. К. Каргера на Н. П. Сычёва в архиве Русского музея или ГАИМК мне обнаружить не удалось. Нет их и в бывшем архиве Ленинградского обкома КПСС. До сих пор не обнаружено документальных подтверждений обвинений, поступавших от Н. П. Сычёва и его послевоенного окружения в адрес М. К. Каргера.

В ноябре 1929 г. молодой ученый поступает на работу в ГАИМК, а уже в марте 1930 г. покидает должность помощника хранителя Отделения русского искусства Государственного Русского музея. Заявление М. К. Каргера с просьбой об освобождении его от обязанностей научного сотрудника I разряда Художественного отделения Русского музея «ввиду его крайней загруженности работой» было подано 1 марта и подписано Н. П. Сычёвым 10 марта 1930 г.⁶⁰ Через пять лет он ненадолго возвращается в Русский музей, но уже в должности заведующего Отделом древнерусского искусства, которую до ареста в 1933 г. занимал его бывший учитель Н. П. Сычёв. Однако в 1936 г., после обвинений во «вредительстве», он окончательно покидает музей⁶¹.

⁶⁰ ГРМ (I). Оп. 1. Ед. хр. 188. Л. 28, 30–31.

⁶¹ НА РАХ. Ф. 7. Оп. 4. Ед. хр. 107. Л. 3 об.

6. М. К. Каргер в ГАИМК (1929–1937 гг.)

Первоначально М. К. Каргера принимают в Академию в разряд русской материальной культуры научным сотрудником I разряда на 0,5 оклада⁶². Затем он, по-видимому, работает в разряде архитектуры, которым руководил известный реставратор и специалист по древнерусской архитектуре Константин Константинович Романов (*Медведева* 2022: 183). В том же 1929 г. М. К. Каргера переводят на ставку старшего научного сотрудника ГАИМК (1929–1937 гг.), а в 1933 г. он становится действительным членом Академии. В 1936 г. К. К. Романов вспоминал этот период следующим образом:

В 1929 г. из разрядов русского зодчества, русской архитектуры и русской живописи был образован один Русский разряд, во главе которого по поручению Академии был поставлен я. Когда формировались штаты этого разряда, Кипарисов указал мне на желательность привлечения туда М. К. Каргера, указав, что этот человек уже сложился в крупнейшего специалиста, у него есть работа, посланная в Америку, что Кипарисов занят тем, чтобы выцарапать ее оттуда — передаю слова Кипарисова. И вот поэтому его нужно привлечь в разряд. Я согласился, причем из Русского Музея тогда поступил целый ряд предупреждений, которые я откинул, потому что не верил им, они говорили о том, что, если будет в разряде М. К. Каргер, то обязательно будут какие-нибудь трения. От этого я всегда стоял в стороне, мнение Русского Музея я не разделял. В 1930 г. я передал заведование разрядом Быковскому, с тех пор такая прямая связь с М. К. Каргером у меня оборва-

⁶² РО НА ИИМК РАН РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 374. Л. 3; в 1929 г., накануне зачисления в ГАИМК, в Разряде русской живописи, которым вместо Н. П. Сычёва стал руководить И. В. Малицкий, Каргер делает доклад: «Западное влияние в русской живописи XVII в.» (О деятельности Академии. Ч. 1 // РО НА ИИМК. Ф. 2. Оп. 1. 1929. Д. 1. Л. 222 об.).

лась. Дальше шло знакомство с работами, которые оказались не то его, не то не его в Новгороде⁶³.

Но помимо субъективного впечатления и слухов, новое руководство ГАИМК опиралось при принятии решения на заключение авторитетных сотрудников Академии. Так, перед приемом на работу квалификационная комиссия правления ГАИМК под председательством Ф. В. Кипарисова рассмотрела аспирантское дело М. К. Каргера и составила о нем подробный отзыв, который содержит краткую экспертизу всей научной работы, проведенной М. К. Каргером с 1923 по 1929 г., и включает единственную сохранившуюся за предвоенный период рецензию на письменные работы исследователя. В тексте дано краткое представление о содержании исследований молодого специалиста и отражено впечатление, которое он производил на исследователей «старой» школы. Комиссия в составе Н. Б. Бакланова, Л. А. Мацулевича, Н. В. Малицкого и И. И. Мещанинова пришла к следующему заключению:

Прежде всего Комиссия считает не лишним указать, что к работе М. К. Каргера «Успенский собор Свяжского монастыря как архитектурный памятник» не следовало бы относиться как к заключительной аспирантской диссертации, поскольку свой квалификационный стаж М. К. Каргер, как видно из дела, проходил при несколько других условиях, чем какие сейчас нормированы для аспирантов. Им представлялись отчетные работы по утвержденной соответственным органом Факультета общественных наук ЛГУ программе занятий, причем квалификация ему была присуждена по совокупности произведенных работ. Представленная им работа о соборе Свяжского монастыря выполнена им еще без учета тех требований, какие сейчас предъявляются к аспирантской диссертации, как к исследованию не узко монографическому, но более или менее затрагивающему общие научные проблемы. Относительно работы М. К. Каргера нужно сказать, что она дает четкое

⁶³ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. 1936. Д. 167. Л. 203.

описание архитектурных форм памятника и вводит новые данные в его изучение, фиксируя его дату, устанавливая постройку его псковскими мастерами, определяя с несомненностью его псковские архитектурные формы и выявляя его первоначальный вид. Автор достаточно обнаруживает свое умение оперировать с памятником как таковым; его работа является вообще ценным археологическим очерком, хотя он не ставит широких задач, лично не прорабатывая вопрос о генезисе форм и оставляя в стороне проблемы, связанные с общиисторическим или социологическим освещением памятника.

Остальные работы М. К. Каргера (находящиеся в распоряжении Комиссии), написанные на эпизодические темы по древнерусскому искусству, живые и литературные по форме, в целом представляются интересными и немаловажными этюдами, свидетельствуя о большой научной продуктивности автора. Работа М. К. Каргера «Крепостные сооружения Свяжска» основана на самостоятельных исторических изысканиях автора и дает умелую сводку существующего по данному предмету архивного и литературного материала. Известная Комиссии работа М. К. Каргера «Материалы для словаря русских иконописцев» дает ценный со всей тщательностью подобранный справочный материал по подписным иконам [Государственного] Русского Музея. Относительно следующих работ М. К. Каргера могут быть сделаны указания методологического характера. Его заметка «К вопросу об изображении Грозного на иконе — Церковь воинствующая» предлагает видеть изображение Грозного в фигуре юного всадника во главе воинства. Решение этого вопроса об изображении Грозного на данном памятнике является еще преждевременным, пока остается не выясненным общий смысл композиции. Из доклада, читанного Д. В. Айналовым в разряде русской живописи ГАИМК (9 марта с. г.), посвященного данному памятнику, и из обмена мнений по поводу доклада, было видно, насколько вопрос о значении этой композиции должен быть решаем с широким привлечением литературного материала эпохи, с точным учетом идеологии времени при условии тщательного разбора всех деталей композиции. Недостаток методологической работы М. К. Каргера «Les portraits des fondateurs dans les peintures murales du monastère» (печатающейся в сборнике *L'art byzantine chez les Slaves*) в том, что изучаемая им

композиция «Великого входа», возможно и возникшая на русской почве, рассматривается им изолированно без сопоставления с родственными композициями, от которых она зависит; здесь нужно было подвергнуть разбору весь состав групп предстоящих, изображаемых в композициях данного типа; тогда, может быть, вопрос об интересующих автора фигурах получил бы совершенно другое разрешение. В отношении очерка «Из истории западных влияний в древнерусской живописи», касающегося зависимости композиции — крещение евнуха Филиппом — от западных образцов, можно сделать возражение против плана построения статьи, не отвечающего действительному порядку произведенного исследования. Несомненно, здесь точкой отправления является факт зависимости рассматриваемой композиции от гравюры Библии Пискатора; естественно дальше, имея в виду подпись под гравюрой — ...⁶⁴ (подпись впрочем, не отмечена в изложении автора) дать справки о рисунках...⁶⁵, что действительно и выполнено автором. Но автор свое выяснение оригиналов начинает несколько искусственно с этого дополнительного материала и в самом уже конце останавливается, как на последнем звене в цепи протооригиналов, на гравюре Библии Пискатора, тогда как последняя является исходным пунктом наблюдения для автора и первоисточником для живописца.

Комиссией было заслушано сообщение одного из членов ее о работе М. К. Каргера «Погибшие фрагменты Переяславских фресок XVI в.» выполненной им на основании снимков, имевшихся в Фотографическом отделе ГАИМК; М. К. Каргер дал обработку этого материала, насколько вообще позволяла его фрагментарность. На объединенном заседании разрядов русской живописи и русского зодчества ГАИМК от 20 апреля с. г., где был заслушан доклад М. К. Каргера на эту тему, было вынесено постановление о желательности напечатания этой работы в изданиях ГАИМК.

Принимая во внимание все вышеизложенное, учитывая как главную работу М. К. Каргера о соборе Свяжского м[онасты]ря и всю совокупность его работ, Комиссия признает автора сложившимся научным работником, находит, что его работы

⁶⁴ Нечитаемый текст.

⁶⁵ То же.

вносят в науку новые данные (хотя в отдельных случаях темы его исследований и представляются суженными и не проработанными автором до конца); ввиду этого Комиссия предлагала бы справедливым присуждение М. К. Каргеру искомой квалификации, «дающей право на ведение самостоятельной научно-исследовательской работы в составе научных сотрудников I разряда Исследовательских институтов и на преподавание в ВУЗах по специальности»⁶⁶.

Фактически сразу же после подтверждения научной квалификации и приема в Академию ее руководство отправляет молодого специалиста в командировки: в конце января 1930 г. — «для осмотра памятников» во Псков, в феврале — в Новгород, в июне — июле 1930 г. — в Киев и Переяславль «для изучения памятников материальной культуры» и с июля по сентябрь — опять в Новгород⁶⁷.

Первые годы работы М. К. Каргера в ГАИМК не очень хорошо документированы. Есть упоминания отдельных докладов, в списках участников заседаний Методологического бюро ГАИМК за 1931 г. встречается роспись М. К. Каргера⁶⁸.

Из научного отчета исследователя за 1931 г. следует, что он работал в Феодальном секторе ГАИМК и по поручению Академии состоял в Бюро охраны памятников при Ленинградском Политпросветцентре, был заместителем председателя Комиссии по паспортизации памятников Ленинградской области, где лично подготовил 65 паспортов на памятники Новгорода, Старой Лядоги и Гостинополя⁶⁹. Упоминаются доклады в ГАИМК,

⁶⁶ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 3. Д. 268. Л. 3–3 об.

⁶⁷ Там же. Л. 8–11.

⁶⁸ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. 1931. Д. 11. Л. 83, 85.

⁶⁹ Работы по обмеру каменных храмов Новгорода и его округа М. К. Каргер начал проводить с 1929 г. (еще до официального поступления в ГАИМК). В это же время проявляется его интерес к реставрации, но никаких самостоятельных реставрационных работ в конце 1920-х гг. исследователь не проводил и не упоминал. Поэтому стран-

в студенческом кружке ЛИЛИ и Новгородском обществе краеведов, проведение разведки в Георгиевском соборе Юрьева монастыря и подготовка Проекта организации города-музея в Новгороде. В целом в 1931–1932 гг. исследователь занимался изучением древнерусской каменной архитектуры и деревянных сооружений Старой Ладogi, топографией Смоленска, исследованиями по организации труда московских ремесленников и социальной дифференциации феодального русского города⁷⁰.

В 1932 г. Сектор феодальной формации ГАИМК утвердил тему работы М. К. Каргера: «Италийские зодчие и техники в Московском государстве XV–XVI вв.». Однако в декабре 1932 г. он зачитывает на секторе доклад «Археологическое изучение Великого Новгорода», в котором тезисно представляет наброски своей будущей монографии. Доклад вызвал оживленное обсуждение и многочисленные вопросы со стороны К. К. Романова, Н. Б. Бакланова, М. М. Цвибака и др.⁷¹

Распоряжением от 14 октября 1933 г. за подписью Ф. В. Кипарисова «научному сотруднику М. К. Каргеру разрешается взять на себя обязанности заведующего Сектором истории архитектуры СССР, организующимся по постановлению Ленсовета в составе Музея Города»⁷². Но, по-видимому, этот план так и не был осуществлен.

ным и мало обоснованным выглядит утверждение Т. Ю. Царевской о том, что «в 1929 году во время реставрационных работ в Новгороде М. К. Каргера, сопровождавшихся свойственным этому реставратору невиданным по нашим временам вандализмом по отношению к историческим напластованиям в памятниках древнерусской архитектуры, в Никольской церкви был сломан иконостас» (*Царевская* 2020: 48).

⁷⁰ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. 1931. Д. 10. Л. 74–75.

⁷¹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 32. 1932. Д. 36. Л. 70 об., 73, 75 об., 103–107.

⁷² РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 374. Л. 5; в 1938 г. музей был вновь переименован в «Музей истории и развития Ленинграда», в 1993 г. — Государственный музей истории Санкт-Петербурга.

В Рукописном отделе НА ИИМК РАН также сохранилось дело, состоящее из подборки служебных документов 1935–1936 гг., которые были изъяты из кабинета директора ГАИМК Ф. В. Кипарисова после его ареста⁷³. В деле присутствуют некоторые документы, косвенно связанные с М. К. Каргером. Например, в очень обширном и амбициозном проекте плана публикации популярной серии по «Истории народов СССР» 1936 г. в разделе «Феодальный период» под № 1 стоит совместная работа Каргера и Богусевича «Новгород и Псков», а под № 5 — совместная работа Каргера и Воронина «Искусство феодальной Руси»⁷⁴.

В отчете о работе сотрудников институтов ГАИМК за 1-й квартал и 1-е полугодие 1935 г. указано, что М. К. Каргер «в течение первого квартала сдал материалы “Свода вещественных источников”, временно законсервированные, по распоряжению Президиума; сделал доклад по Новгороду (глава учебника). Во втором квартале сделал доклад по плановой теме “Строительство XII в. в Новгороде”; представил на отчетное заседание кафедры около 15 п. л. текста и ряд чертежей по монографии (Новгород). Сделал 2 доклада по реставрационной работе в Новгороде, одобренные кафедрой, дал отзыв на сборник “Спорные вопросы истории русского зодчества XV–XVI вв.”»⁷⁵. В это же время «М. К. Каргер, по указанию Президиума [ГАИМК], работает в качестве консультанта [Новгородского] музея, кафедра раннего феодализма подготавливает доклады для выездного пленума в Новгороде»⁷⁶.

В фонде ГАИМК сохранилась служебная записка Н. Н. Воронина от 17 октября 1935 г., в которой он пишет об обсуждении темы М. К. Каргера на 1936 г. (или возобновлении темы

⁷³ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 150; дело ошибочно называется «Переписка и дела по учебнику».

⁷⁴ Там же. Л. 34.

⁷⁵ Там же. Оп. 1935. Д. 17. Л. 69.

⁷⁶ Там же. Л. 54–55.

1934 г.) «Свод вещественных источников эпохи феодализма в Восточной Европе»⁷⁷.

Но именно 1935–1936 гг. стали переломными как в жизни, так и в научной карьере М. К. Каргера. В 1935 г. он становится заместителем директора и затем временно исполняющим обязанности директора Новгородского музея, заведует отделом в Русском музее, кафедрой в ЛГУ, является научным сотрудником ГАИМК и Академии художеств. Судя по всему, в ГАИМК молодого исследователя активно продвигал Федор Васильевич Кипарисов, который и командировал его в Новгород, где Каргер проводил работу на памятниках архитектуры, продолжая исследования Н. П. Сычёва.

По архивным документам и списку библиографии исследователя становится заметно, что в 1929–1931 гг. происходит смена научных приоритетов молодого ученого. Научные интересы М. К. Каргера сдвигаются от изучения поздней древнерусской живописи и архитектуры XV–XVI вв., которыми он занимался под руководством Н. П. Сычёва в университете и Русском музее, к средневековому новгородскому искусству и архитектуре. Смена научной темы, безусловно, была связана с его переходом в ГАИМК и теми научными заданиями, которые были поручены ему новым руководством Академии и проводились в рамках комплекса научных и реставрационных мероприятий, задуманного и осуществлявшегося Ф. В. Кипарисовым в Новгороде в первой половине — середине 1930-х гг. и обозначенного мною как «Новгородский проект» ГАИМК⁷⁸.

Отдельный малоизвестный аспект работы М. К. Каргера в ГАИМК-ИИМК связан с его работой на Кафедре методики археологических раскопок, где он читал лекции аспирантам Академии, и с его участием в проекте подготовки коллективной монографии «Методика археологических раскопок».

⁷⁷ Там же. Оп. 1. Д. 150. Л. 168.

⁷⁸ См. § 6.1 в настоящем издании.

Эту работу он ведет параллельно с работой над «Новгородским проектом» ГАИМК и преподаванием в университете. В архиве Академии сохранилось расписание занятий на курсах по подготовке полевых работников при ГАИМК, где на 17 марта 1936 г. была назначена лекция М. К. Каргера «Исследования поселений феодального общества», тема которой совпадает с названием главы в планируемом издании⁷⁹.

В тематическо-издательский план ГАИМК на 1936 г. была включена коллективная монография сотрудников Академии «Методика и техника полевых исследований» объемом 20 печатных листов (перенесено из плана 1935 г.), в которой должен был быть опубликован раздел М. К. Каргера, посвященный раскопкам феодальных поселений⁸⁰.

В личном фонде исследователя сохранилась стенограмма лекции «Исследование поселений феодального общества», которую он прочитал 29 апреля 1936 г. на курсах полевых работников ГАИМК⁸¹. Вероятно, сохранившийся текст является черновиком статьи, которую ученый готовил для коллективной монографии. Текст состоит из двух частей. В первой содержатся общие рассуждения о древнерусском городе и его структуре. Во второй исследователь дает конкретные рекомендации: заблаговременная подготовка плана работ; предварительная топографическая съемка памятника; нанесение участков, подлежащих раскопкам, на планшетки; разбивка участков на квадраты 2×2 м, которые ориентированы по сторонам света; нивелировка поверхности; раскопки большими площадями (ранее копали узкими траншеями); предварительное выделение четырех квадратов, которые станут разведочными; раскопки по слоям и внутри слоев — по «штыкам» (ранее копали «на штык» по 15–25 см); фиксация поверхности каждого слоя; тщательное расчленение культурного слоя на прослой-

⁷⁹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 150. Л. 86.

⁸⁰ Там же. Л. 164–164 об.

⁸¹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 85. Д. 210. Л. 1–27.

ки по составу геологического материала, цвету и находкам; разные слои могут быть связаны с различными памятниками; раскопки до материка; раскопки каменных сооружений; фиксация находок внутри построек.

К сожалению, этот проект так и остался неосуществленным в связи гибелью Ф. В. Кипарисова и ликвидацией ГАИМК.

6.1. М. К. Каргер и «Новгородский проект» ГАИМК⁸²

Отдельной главой творческой и личной биографии Каргера является короткий, но очень насыщенный период реставрационных и археологических работ в Новгороде, который официально продолжался с 1932 по 1936 г., а в реальности начался в 1929–1930 гг. Новгородский период деятельности дал молодому сотруднику Академии первый опыт административной и полевой археологической работы. Именно в Новгороде М. К. Каргер превратился из кабинетного искусствоведа и преподавателя, занимавшегося позднесредневековой живописью и архитектурой XV–XVI вв., в ведущего исследователя древнерусской каменной архитектуры и древнерусской городской археологии.

Сам ученый описал этот период своей жизни в выступлении на общем собрании ГАИМК в 1936 г.:

Моя связь с Новгородом возникла в 1920 г., с того момента, когда я, будучи студентом сначала Самарского, а потом Петроградского университета, начал свою работу в Новгороде, сначала по изучению, главным образом, памятников монументальной

⁸² Подробнее новгородский период работы и «новгородское» дело М. К. Каргера, заведенное против него в 1936 г., были освещены в моем докладе «Крах “Новгородского проекта” ГАИМКа (Новые архивные источники по истории советской археологии 1930-х гг.)» озвученном 27 января 2022 г. на пленарном заседании XXXVI Научной конференции «Новгород и Новгородская земля. История и археология» в Великом Новгороде (*в печати*).

живописи, а затем вскоре я переключился на вопросы изучения истории архитектуры. Ежегодно бывая в Новгороде и работая совершенно самостоятельно / не в составе экспедиции, а по личному почину, я вплоть до 1931 г. занимался изучением памятников, не врываясь в жизнь самого памятника...

...в 1932 г. были первые археологические работы, которые велись под руководством Арциховского и моим; формально начальником был Арциховский, но в Академии подчеркивалось, что наше руководство было коллективным. Мы оба были ответственны за работы и оба подписали документы и отчетную статью.

В 1933 г., вскоре после начала работы Кислицына, Академия направила меня в Новгород во главе, правда небольшой, экспедиции, но имевшей серьезные задания. Экспедиция имела задачу — обследования Юрьевского монастыря. В 1931 г. мною была сделана небольшая разведка, давшая мне те данные, которые позволили Академии поставить работы в 1933 г.⁸³

Первая половина 1930-х гг. характеризуется активизацией полевой археологической деятельности под эгидой Академии истории материальной культуры. Наряду с другими памятниками, Академия организовала систематические археологические и архитектурные работы на территории Новгорода: раскопки на Славенском холме и на Новгородском (Рюриковом) городище, исследования Георгиевского собора Юрьева монастыря, исследования в церкви Спаса на Ковалева и в Кирилловом монастыре, в Николо-Дворищенском соборе и церкви Рождества на Кладбище. Подавляющее большинство этих работ связаны с именем М. К. Каргера (рис. 13, 14).

Напомним, что в ГАИМК М. К. Каргер был принят 1 декабря 1929 г.⁸⁴ Зачисление молодого ученого в состав сотрудников ГАИМК совпадает с началом работ Академии в Новгороде, которые происходят в условиях идеологического перелома в СССР и массовых репрессий против ученых, краеведов и му-

⁸³ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. 1936. Д. 168. Л. 2–3.

⁸⁴ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 5. Д. 138.

зейных сотрудников старой школы. Ряд членов ГАИМК⁸⁵, которые успешно занимались изучением и реставрацией новгородских памятников архитектуры, оказались смещены с руководящих постов и отстранены от этих работ после чистки и массовых увольнений, прошедших в Академии в 1929–1930 гг. В 1930 и 1933 гг. органы ОГПУ дважды арестовывали Н. П. Сычёва, а в 1930 г. — К. К. Романова. Последний был выпущен в 1933 г., но «уже не проявлял прежней активности» (Платонова, 2013: 379, 387–388). По словам современников, реальная власть в Академии сосредоточилась в руках Ф. В. Кипарисова, нового заместителя председателя ГАИМК, с которым связаны как организация чистки в Академии, так и последующее активное пополнение ее новыми сотрудниками (Платонова, 2013: 20–21). В этих условиях Ф. В. Кипарисов, являвшийся основным проводником «новой политики», набирает на работу целую когорту молодых специалистов, в числе которых оказался и М. К. Каргер⁸⁶.

В письме Е. А. Пистелькорс (Кожинной) к П. Е. Корнилову от 17 мая 1929 г. приводятся некоторые подробности внутренней

⁸⁵ Н. П. Сычёв после чистки в ГАИМК остался его членом, но получил строгий выговор.

⁸⁶ По поводу взаимоотношений Кипарисова и Каргера можно привести выдержку выступления на общем собрании ГАИМК от 13 октября 1936 г. Волоховской: «Я имела счастье, или, может быть, несчастье быть ученицей Каргера в ЛИФЛИ, где я училась в 1930–1933 гг. Сначала нашим музейно-краеведческим Отделением заведовал Кипарисов, а затем Каргер. Я была чрезвычайно возмущена, когда услышала, как Каргер бросил Комиссии такую фразу “Ваш Кипарисов”, потому что у нас в Институте студенты всегда говорили, что “Кипарисов за ручку привел Каргера в Институт и носился с ним все время”; когда же Кипарисов принужден был отказаться от заведывания Отделением из-за перегруженности работой в ГАИМК, он рекомендовал на эту должность Каргера. А теперь вдруг Каргер отказывается от Кипарисова» (РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. 1936. Д. 167. Л. 235).

жизни Разряда архитектуры в ГАИМК периода чисток: «Вчера на заседании Разряда, как всегда, довольно многочисленным, К. К. (Романов) сформулировал предложения так: Он (т. е. К. К. Романов) приглашается в Казань для консультации по различным вопросам... Одураченный Каргер сидевший по соседству добавил мне на ухо: “Чай пить к П. Е. (Корнилову. — К. М.)”, чем очень рассмешил»⁸⁷.

По-видимому, в письма Е. А. Пистелькорс попали отголоски рассуждений сотрудников о будущем разряда в момент «идеологической кампании» 1929–1930 гг.: «Ко всему этому добавляется еще одно обстоятельство. К. К. [Романов] делает большую тактическую ошибку в том, что уверяет, что не только сам он вполне усвоил новый социологический метод изучения, но и Разряд давно им уже работает: ведь ничего постыдного в том, что он и мы так не работаем еще — нет, это даже более естественно: ведь только теперь это усиленно предлагается и вводится новым заведующим Кипарисовым. Атмосфера в этом отношении у нас в Академии очень напряженная и только благодаря очень хорошим личным отношениям в Разряде, на К. К. [Романова] в Академии еще не смотрят так, как например, в Институте истории иск[усств], откуда его вычистили, или в Общ[ест]ве Марксистов, где разбили его доклад по всем тезисам. Я не теряю надежды, что К. К. поменяется под влиянием всего того, что кругом делается и что говорится (в этом отношении Каргер напр[имер] сделал большой шаг вперед и К. К. было бы полезно побольше с ним беседовать), и мы наладим работу Разряда, но это в будущем...»⁸⁸

⁸⁷ По-видимому, М. К. Каргер, который активно сотрудничал с П. Е. Корниловым с середины 1920-х гг., ожидал, что именно он будет представителем ГАИМК в Казани (ОР ГРМ. Ф. 145. Оп. 2. Ед. хр. 571. Л. 41–41 об.).

⁸⁸ Письмо Е. А. Кожинной — П. Е. Корнилову от 17.05.1929 // ОР ГРМ. Ф. 145. Оп. 2. Ед. хр. 571. Л. 43.

Сам М. К. Каргер редко высказывал свое истинное отношение к происходящим событиям даже близким друзьям. Но в письме П. Е. Корнилову от 22 января 1929 г. он написал: «Слушаю доклад о всяческих достижениях, главенствующее из которых, по моему мнению, в том, что хлебушек стали давать по карточкам...»⁸⁹ Про изменения и процесс «советизации» Академии он пишет коротко в письмах сентября — октября 1930 г.: «В ГАИМК после Вашего отъезда разразилась свирепая чистка в отделах...»⁹⁰ «В ГАИМК много перемен, как и повсюду...»⁹¹

Но из некоторых высказываний в письмах и из того факта, что М. К. Каргер посещал курсы историков-марксистов, можно сделать вывод, что молодой преподаватель мог показаться руководству университета и ГАИМК более «перспективным» или лояльным на фоне старой, дореволюционной профессуры. С «чистками» дореволюционных специалистов и освободившимися ставками, по-видимому, связано дальнейшее продвижение карьеры молодого специалиста в начале — середине 1930-х гг.

Практически сразу же после зачисления в штат Академии М. К. Каргер был направлен в Новгород, где до 1932 г. занимался обмерами памятников архитектуры и составлением их паспортов (*Каргер* 1932: 69–70). В том же 1932 г. его фамилия в искаженном написании «Карчер» попала в «Краткий обзор СО ОГПУ антисоветской деятельности и группировок среди научной интеллигенции...», который составлялся «органами» лично для И. В. Сталина. Неизвестный информатор ОГПУ⁹² дал краткую характеристику десяткам советских

⁸⁹ Там же. Оп. 3. Ед. хр. 30. Л. 48.

⁹⁰ Там же. Л. 53.

⁹¹ Там же. Л. 54.

⁹² И. Л. Тихонов считает, что «неизвестный информатор ОГПУ» — однозначно С. Н. Быковский: «Автором раздела, посвященного этнографам и археологам, без сомнения, был С. Н. Быковский» (*Застрожная и др.* 2023: 298).

ученых, разделяя их по группам: «Особую группу составляют археологи с уклоном в сторону архитектуры. Группу эту возглавляет К. К. Романов, несомненный реакционер в методологическом отношении и абсолютно чуждый марксизму в методологическом отношении. Из его школы известны Д. К. Карчер (М. К. Каргер. — К. М.)⁹³, мало проявивший себя пока в научном отношении; Шуляк, еще менее показавшая себя в научном отношении; довольно слабый методологически Яacobсон. Другие ученики К. К. Романова вовсе выбыли из ГАИМК — Воронин, Корзухина, Козловская и др.» (*Краткий обзор...* 2017: 525).

Архитектурная и реставрационная деятельность М. К. Каргера в Новгороде происходила в обстановке репрессий против музейных сотрудников. В 1933 г. был арестован бывший директор Новгородского музея и сотрудник ГАИМК Н. Г. Порфиридов, а также целый ряд сотрудников музея. Эти события, с одной стороны, поставили под угрозу сотрудничество Новгородского музея с ГАИМК и могли помешать дальнейшим работам археологов в Новгороде (*Гайдуков, Кудрявцев* 2020: 95). С другой стороны, руководство Академии стремилось как можно быстрее возобновить работы на памятниках. Судя по архивным данным, Ф. В. Кипарисов пытался контролировать работы в Новгороде, в том числе через назначение на должность директора Новгородского музея и его заместителей ленинградских исследователей⁹⁴. При его под-

⁹³ Неизвестный информатор ОГПУ не только искажил фамилию М. К. Каргера, но и ошибочно отнес его к ученикам К. К. Романова.

⁹⁴ Сам М. К. Каргер обрисовывал ситуацию таким образом: «После кислородного процесса Облоно стало относиться серьезнее и осторожнее к делам Новгородского Музея, поэтому, когда увидели, что Савельев не может обеспечить работы, его сейчас же сняли и поставили вопрос перед Академией о назначении нового директора Музея. После переговоров с Академией в Новгород был послан в качестве директора Зыбковец и в качестве зам. директора Каргер, причем пока Зыбковец находился на военном сборе, я был послан в качестве

держке в 1933–1935 гг. три сотрудника Академии последовательно выдвигались на должности директора и заместителей директора Новгородского музея: В. Ф. Зыбковец, М. К. Каргер, В. А. Богусевич⁹⁵.

По-видимому, именно благодаря поддержке Ф. В. Кипарисова и возможностям, которые появились после совмещения должностей в ГАИМК и Новгородском музее у молодого и амбициозного исследователя, ему удалось провести большой объем археологических и реставрационных работ, которые стали важными вехами как в изучении древнего Новгорода, так и в истории отечественной архитектурной археологии в целом. В архивных фондах ГАИМК сохранились упоминания о многочисленных докладах М. К. Каргера за 1934–1935 гг. в Академии, посвященных археологическим раскопкам и реставрационным работам в Новгороде. Также им был подготовлен проект новой экспозиции Новгородского музея и рукопись книги «Великий Новгород: Очерки материальной культуры и искусства. Т. I. 1935 г.», на которую сохранился отзыв К. К. Романова⁹⁶. Эту монографию Каргер собирался представить для защиты докторской диссертации. В 1934 г. он ведет работы на Рюриковом городище, а затем и в Юрьевом монастыре, готовит карточки с описаниями новгородских церквей. Сохранились упоминания о многочисленных экскурсиях, которые он вел в Новгороде и которые пользовались большой популярностью. Таким образом, первую половину 1930-х гг. можно считать одним из самых активных и плодотворных периодов жизни ученого. На 1935–1936 гг.

вр. и. о. директора Музея. Обязанности директора Музея я исполнял в течение месяца...» (РО НА ИИМК РАН. 1936. Оп. 1. Д. 168).

⁹⁵ В. Ф. Зыбковец (Атрошенко) (1908–1973) — директор Новгородского государственного музея в 1935 г., сотрудник ГАИМК. В. А. Богусевич (1902–1978) — в 1929–1930 гг. аспирант и сотрудник ГАИМК, в 1935 г. назначен заместителем директора Управления Новгородских государственных музеев.

⁹⁶ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. 1936. Д. 189. Л. 37–57.

руководство ГАИМК планировало расширение «Новгородского проекта» — намечалось создать более тесные связи с Новгородским музеем и увеличить смету новгородской экспедиции. В служебной записке от 13 февраля 1936 г. в президиум ГАИМК был представлен проект сметы экспедиций. На Новгородскую экспедицию запланировано 10 тыс. руб., что превышает сметы на другие экспедиции ГАИМК. Например, на Владимиро-Суздальскую экспедицию планировалось потратить только 3650 руб.⁹⁷

Но уже в 1934–1935 гг. над молодым сотрудником Академии стали сгущаться тучи. После арестов 1933–1934 гг., которые прошли в Новгородском музее, постепенно вокруг М. К. Каргера возникла конфликтная ситуация, которая связана с уголовным делом против директора Новгородского музея А. И. Кислицына, закончившимся судом, на котором общественным обвинителем выступал Ф. В. Кипарисов. Этот конфликт между Каргером и руководством музея оказал влияние как на реставрационные работы в Новгороде, так и на работу молодого ученого в ГАИМК. В 1935 г. А. И. Кауль (директор Института истории техники ГАИМК) обвинил исследователя в злоупотреблениях во время реставрации Георгиевского собора. Но дело не получило развития благодаря поддержке, которую оказали М. К. Каргеру руководитель ГАИМК Ф. В. Кипарисов и некоторые коллеги из Академии (Платонова 2013: 41).

В дальнейшем у М. К. Каргера последовательно возникают служебные конфликты и со следующими, после Кислицына, директорами Новгородского музея — В. Ф. Зыбковцом (Атрошенко) и А. А. Строковым. В январе 1936 г. он окончательно увольняется из Новгородского музея, но остается на должности заведующего отделом в Русском музее, заведующим кафедрой в ЛГУ и научным сотрудником ГАИМК, продолжая архитектурно-археологические работы в Новгороде. Казалось, что череда неудач закончилась и можно сосредоточиться

⁹⁷ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 150. Л. 48.

на научной деятельности. Но 24 июля 1936 г. в новгородской районной газете «Звезда» от имени «группы научных работников» публикуется статья «Темная личность», в которой исследователя обвиняют в разрушении архитектурных памятников Новгорода, «лжепрофессорстве», «погроме» памятников археологии, «подрыве» работы московской экспедиции и прочем «вредительстве». На следующий же день, 25 июля, проходит профсоюзное собрание сотрудников Управления новгородских государственных музеев, на котором было принято постановление о том, что изложенные в статье «факты вредительских действий, проводимых на протяжении нескольких лет Каргером, являются бесспорно правильными». Общее собрание «требует от судебно-следственных органов постановку показательного судебного процесса с привлечением вредителя Каргера к самой строжайшей уголовной ответственности». Через неделю после публикации статьи дирекция музея в лице А. А. Строкова и В. А. Богусевича подготавливает многочисленные обвинительные документы против М. К. Каргера. 3 августа они подают против него заявления в Новгородскую прокуратуру и в дирекцию ГАИМК⁹⁸. Вследствие активности дирекции Новгородских музеев «расследование» деятельности М. К. Каргера было инспирировано и в Русском музее, и в ГАИМК. Результатом этого стало увольнение ученого из ГРМ в сентябре 1936 г., а также организация комиссии Ленинградского облисполкома по «обследованию работ научного работника ГАИМК М. К. Каргера»⁹⁹.

Сам Каргер считал, что поводом для кампании против него стала история с пропажей из фондов музея археологической коллекции из раскопок Новгородского музея на Холмопной улице 1932 г. Вероятно, взаимный страх сотрудников

⁹⁸ В научных архивах Санкт-Петербурга сохранились многочисленные документы, содержащие материалы «дела Каргера» и переписку советских бюрократических инстанций по этому поводу.

⁹⁹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 2. 1936. Д. 149.

и руководства музея друг перед другом, который приобретал параноидальные формы в условиях Большого террора, привел к эскалации конфликта и перерастанию его в своеобразную кампанию с выдвиганием обвинений во вредительстве в адрес М. К. Каргера.

Через много лет в разговоре с Вал. А. Булкиным, который состоялся в 1960-е гг., вероятно, вспоминая события 1936 г., Михаил Константинович сказал: «В те годы я потерял веру в людей» (*Булкин* 2002: 329).

Нужно отметить, что ученый довольно активно сопротивлялся выдвинутому против него обвинению. В 1936–1937 гг. он писал многочисленные заявления и жалобы в контрольные органы с требованиями восстановить его на работе в Русском музее. Переписка М. К. Каргера за 1936–1937 гг. с органами Ленсовета и Комиссией советского контроля при СНК СССР в связи с его увольнением из ГРМ сохранилась в «Журнале переписки с Ленсоветом и регистрации жалоб трудящихся за 1936–1937 гг.»¹⁰⁰. 5 апреля 1937 г. М. К. Каргер отправил в Бюро жалоб КСК при СНК СССР подробные сведения о своей научной деятельности в Новгороде — с ответами на обвинения, выдвинутые против него комиссией Облсполкома Ленсовета и директором Государственного Русского музея А. Г. Софроновым¹⁰¹. Большую часть этого документа занимает довольно подробный отчет Каргера о его реставрационных и археологических работах в Юрьевом монастыре и на других памятниках Новгорода в 1933–1935 гг., который стал своеобразным итогом его довоенной работы в Новгороде. «Отчет» М. К. Каргера построен в виде ответов на пункты обвинения, которые были выдвинуты против него в стено-

¹⁰⁰ ЦГА СПб. Ф. 960. Оп. 3. Ед. хр. 92.

¹⁰¹ Там же. Л. 278–297. Вторая часть объяснительной записки М. К. Каргера в СНК СССР посвящена его деятельности в Государственном Русском музее.

грамме «Проекта выводов комиссии Облисполкома по обследованию работ научного работника ГАИМК М. К. Каргера в связи со статьей в газете “Звезда” “Темная личность”» (24 июля 1936 г.), подписанной председателем комиссии Ундревичем 15 августа 1936 г.¹⁰²

В итоге короткого, но насыщенного периода работы в Новгороде М. К. Каргер провел обмеры новгородских храмов, подготовил списки памятников, подлежащих охране, создал проект охраны и использования новгородских памятников культуры «Новгород город-музей», по которому была создана новая экспозиция Новгородского музея. При его участии и под его руководством начались работы Новгородской экспедиции ГАИМК, происходили раскопки на Новгородском (Рюриковом) городище, исследования Георгиевского собора Юрьева монастыря и церкви Спаса на Ковалева, Кириллова монастыря, в Николо-Дворищенском соборе и церкви Рождества на кладбище, была подготовлена монография, посвященная средневековым памятникам Новгорода. Но в результате кампании 1936 г. исследователь был вынужден покинуть Новгород на десять лет и прервать свою программу исследования архитектурных и археологических памятников города.

7. Ленинград (1938–1941) и война (1941–1943)

Стресс после «дела о вредительстве» и попытки реабилитации, по-видимому, выбивают исследователя из колеи привычной жизни и затрудняют научную работу. Уже трудно

¹⁰² «Проект выводов» оказался подшит в том же журнале переписки с Ленсоветом, в котором сохранился ответ М. К. Каргера: ЦГА СПб. Ф. 960. Оп. 3. Ед. хр. 92. Л. 210–221.

установить, чем он занимался во второй половине 1936 и в большей части 1937 г.¹⁰³ Возвращение в Новгород и продолжение работы над книгой и другими научными проектами оказались под угрозой срыва. Он потерял работу в Новгородском и Русском музеях и прекратил преподавание в университете. В это же время в ГАИМК продолжаются аресты руководства и сотрудников-членов партии по обвинению в подготовке тракта против руководителей ВКП(б), которые начались с ареста Ф. В. Кипарисова и С. Н. Быковского. Всего пострадало 22 сотрудника Академии (Тихонов 2021). Скорее всего, в Академии всем стало не до Каргера, но находиться в учреждении, где большая часть сотрудников выступала с его осуждением, по-видимому, было тяжело, и М. К. Каргер ищет возможность поменять место работы. В условиях советской действительности это было далеко не просто.

В 1937 г. известный исследователь древнерусского искусства А. С. Гущин, который работал вместе с Каргером в ГИИИС и в ГАИМК, становится профессором Академии художеств и первым деканом новообразованного Факультета теории и истории искусства. За год до этого события Алексей Сергеевич смело выступал в защиту коллеги. Поэтому неожиданное приглашение М. К. Каргера в 1937 г. в штат преподавателей Всероссийской академии художеств можно уверенно связать именно с именем А. С. Гущина, который написал очень комплиментарный отзыв о его научной работе и рекомендовал к профессорскому званию:

Прекрасно владея всем материалом памятников древнерусского искусства с X по XVII в., равно хорошо зная архитектуру, живопись и прикладное искусство, М. К. Каргер умеет прекрасно передавать свои знания студентам. По многочисленным отзывам и по своим личным впечатлениям, я могу засвидетельствовать, что курсы, читаемые М. К. Каргером, являются од-

¹⁰³ Известно, что в 1937 г. он на короткое время отправляется в экспедицию П. Н. Третьякова (Длужневская 2009).

ними из лучших на искусствоведческом факультете ВАХ, как по глубине и стройности изложения, так и по прекрасной подаче материала своим слушателям. Учитывая же большой научный и педагогический стаж М. К. Каргера, его более чем десятилетнюю работу в ВУЗах, я считаю его вполне достойным научного звания профессора советского ВУЗа по истории древнерусского искусства¹⁰⁴.

В том же 1937 г. «ввиду восстановления преподавания археологии и искусства в ЛГУ» Каргера опять приглашают в качестве доцента университета на воссозданный исторический факультет читать курс истории древнерусского искусства, на кафедре археологии ЛГУ он начинает читать курс древнерусской и славянской археологии (рис. 17)¹⁰⁵.

В следующем году на заседании Ученого совета ЛГУ от 28 июня 1938 г. М. К. Каргер был утвержден в ученой степени кандидата исторических наук без защиты диссертации¹⁰⁶. В 1939 г. он становится заведующим кафедрой русского искусства (искусства народов СССР) ВАХ, где он проработает до 1950 г. В том же 1939 г. его утвердили в звании профессора и тогда же он был назначен заместителем директора Академии художеств по учебной и научной работе¹⁰⁷. На десятилетие Академия художеств становится его основным местом работы.

Наряду с активной преподавательской деятельностью М. К. Каргер продолжает археологические исследования. В 1938 г. ведется переписка между руководством Института истории материальной культуры АН СССР в Ленинграде и Института археологии АН Украины в Киеве. В результате этих переговоров в 1938 г. Каргер был принят на работу в Институт археологии АН УССР, сначала на должность старшего научного сотрудника, затем — заведующего Феодальным

¹⁰⁴ НА РАХ. Ф. 7. Оп. 4. Ед. хр. 107. Л. 41.

¹⁰⁵ Там же. Л. 36; РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 374. Л. 12.

¹⁰⁶ НА РАХ. Ф. 7. Оп. 4. Ед. хр. 107. Л. 9, 48.

¹⁰⁷ Там же. Л. 23, 30–31.

сектором (*Толочко* 2015: 31, 169–170)¹⁰⁸. В 1938–1939 гг. он продолжает раскопки Десятинной церкви на Старокиевской горе вместо репрессированного украинского археолога Ф. Н. Молчановского (рис. 15–16, 18–21). Он возглавляет новообразованную Киевскую археологическую экспедицию ИИМК АН СССР, которая начинает самые масштабные после революции 1917 г. раскопки древнерусского Киева¹⁰⁹. В этой экспедиции работают: Г. Ф. Корзухина, И. П. Шаскольский, Д. И. Блифельд, В. И. Довженок и другие сотрудники ИИМК (Ленинград) и ИА АН УССР (Киев), ленинградские и киевские студенты (рис. 19, 21). По-видимому, Каргер первым начинает вывозить на археологическую практику студентов ВАХ из Ленинграда. Об этом свидетельствует упоминание о такой практике в письме А. М. Балашова В. П. Белкину от 8 июля 1940 г.: «7/VII — в Киев выехал т. Каргер, который будет осуществлять руководство практикой студентов (Академии художеств. — К. М.) в конце июля или начале августа»¹¹⁰.

Но следует учесть, что, несмотря на руководство археологическими экспедициями, работу над методикой полевых исследований и участие в полевом комитете ГАИМК, М. К. Каргер до 1938 г. имел очень небольшой опыт археологических работ, который ограничивался шурфами в новгородских храмах и совместными работами с А. В. Арциховским. И несмотря на это, фактически в конце 1930–1940-е гг. он становится крупнейшим исследователем древнерусских памятников Киева и руководителем крупнейшей археологической экспедиции в Советской Украине. Все это время М. К. Каргер остается старшим научным сотрудником ИИМК АН СССР, профессором Академии художеств и преподавателем кафедры археологии ЛГУ.

¹⁰⁸ НА РАХ. Ф. 7. Оп. 4. Ед. хр. 107. Л. 3 об.

¹⁰⁹ Там же. Л. 36.

¹¹⁰ ОР ГРМ. Ф. 118. Оп. 1. Ед. хр. 61. Л. 1.

Параллельно с раскопками М. К. Каргер и Г. Ф. Корзухина ведут большую подготовительную работу для будущей монографии по древнерусской археологии Киева, работают с отдельными находками, кладами и комплексами, хранящимися в Киевском историческом музее (ныне Национальный музей истории Украины — НМИУ). Фотографии и рисунки планшетов с описаниями киевских находок сохранились в личном архиве Г. Ф. Корзухиной, хранящемся в НА ИИМК РАН.

В апреле 1941 г. в партийной организации ВАХ М. К. Каргера принимают в члены ВКП(б), что открывает ему возможности дальнейшего карьерного роста в советской номенклатурной системе и, по-видимому, это же спасает ему жизнь во время войны.

4 июля 1941 г. М. К. Каргер пишет заявление в администрацию Академии художеств и, как многие ее студенты, выпускники и преподаватели, добровольцем уходит на фронт (рис. 22, 23)¹¹¹. По-видимому, членство в партии и учетная специальность — политработник, которая появилась после его работы в Политупре и Политпросвете, обусловили его последующее направление в политорганы РККА. Можно предположить, что он был направлен в распоряжение 8-й армии и первые месяцы войны провел в районе Ораниенбаумского плацдарма. В результате ему посчастливилось уцелеть во время тяжелых августовских и сентябрьских боев на главном направлении вражеского наступления на Ленинград¹¹².

¹¹¹ НА РАХ. Ф. 7. Оп. 4. Ед. хр. 107. Л. 108.

¹¹² 4 июля 1941 г. во дворе ВАХ состоялось общее собрание студентов и преподавателей, на котором 43 человека подали заявление в народное ополчение во главе с молодым ректором Академии художеств В. Я. Родионовым. Из-за плохой подготовки и организации, а также отсутствия вооружения и кадровых командиров части народного ополчения понесли огромные потери в боях за Ленинград в июле — сентябре 1941 г. В том числе до конца 1941 г. погибло более 50 студентов и преподавателей Академии художеств вместе

Перед отправкой в РККА он успевает сдать в архив Академии свой личный фонд, который состоял из 12 коробок с папками и рулонов с чертежами¹¹³.

С осени 1941 по осень 1943 г. М. К. Каргер служил на Ленинградском и Волховском фронтах: в 1941–1942 гг. в должности старшего инструктора политотдела 8-й армии, в 1943 г. — военным комиссаром политотдела 8-й армии (рис. 24, 25)¹¹⁴. По другим сведениям, он служил политруком банно-прачечного батальона на Волховском фронте. Был награжден тремя медалями: «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией» и «За доблестный труд в Отечественной войне 1941–1945 гг.». В послевоенной анкете он указал, что был контужен на Ленинградском фронте и закончил войну в звании майора (рис. 26)¹¹⁵.

В 1943 г. М. К. Каргер был отозван из армии по ходатайству Президиума АН СССР и руководства ВАХ для продолжения научной и преподавательской работы. Его восстанавливают в должности заместителя директора ВАХ и заведующего

с ректором ВАХ (*Харлашова* 2013). М. К. Каргер подал заявление в военкомат и как уже служивший в политорганах получил командирское звание и попал в кадровые части РККА, избежав самых тяжелых боев за город. Неразбериху первых месяцев войны подчеркивает сохранившаяся в архиве ВАХ телеграмма, отправленная 27 сентября 1941 г. из Владимира в Ленинград Г. Ф. Корзухиной: «Сообщите имеются ли известия о Каргере» (НА РАХ. Ф. 7. Оп. 4. Ед. хр. 107. Л. 109).

¹¹³ НА РАХ. Ф. 7. Оп. 2. 1941. Ед. хр. 350. Л. 1–3, 9.

¹¹⁴ РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 374. Л. 25 об. — 26. Наталья Михайловна Уствольская вспоминала, что в 1970-е гг. на одном из заседаний Общества охраны памятников Ленинградской области М. К. Каргер рассказал, что начал войну в июле 1941 г. у д. Куземкино в Кингисеппском районе Ленинградской области (Уствольская Наталья Михайловна // Я помню : [интернет-портал]. — URL: <https://iremember.ru/memoirs/grazhdanskie/ustvolskaya-natalya-mikhaylovna/> (дата обращения: 02.10.2022); Лукницкий 1976: 188.

¹¹⁵ Там же. Л. 26 об., 27 об.

кафедрой, и он приезжает в подмосковный Сергиев Посад (Загорск), куда из Самарканда прибывают студенты и преподаватели Академии. В Сергиевом Посаде он занимается организацией реэвакуации коллектива Академии в Ленинград и пишет работу, посвященную архитектуре Троице-Сергиевой лавры (рис. 27).

Одновременно с Академией художеств демобилизованного исследователя восстанавливают на работе в ИИМК АН СССР приказом от 23 октября 1943 г.: «...в связи с возвращением из РККА к. и. н. М. К. Каргер зачисляется на должность старшего научного сотрудника» при секторе Древней Руси (рис. 28)¹¹⁶.

В 1944 г. он регистрирует брак с Тamarой Александровной Шубниковой, дочерью полковника А. К. Шубникова, инженера-электротехника и преподавателя КВИУ им. Жданова, который продлился до начала 1960-х гг.¹¹⁷

8. Ленинград: 1944–1976 гг.

Период с конца 1940 по конец 1960-х гг. стал самым плодотворным в карьере ученого. Он реализует большинство своих довоенных научных планов, продолжает архитектурные раскопки многочисленных древнерусских архитектурных памятников в Новгороде, Вышгороде, Киеве, Полоцке, Галиче, Переяславле, публикует несколько монографий, которые он начинал готовить еще в 1930–1940-е гг., ведет активную преподавательскую деятельность (рис. 29).

Весной 1944 г. Академия художеств направляет ученого в разоренный войной Новгород как эксперта по оценке состояния памятников архитектуры, а с августа того же года он вместе со студентами Академии начинает работы

¹¹⁶ Там же. Л. 22–23.

¹¹⁷ Там же. Л. 55 об. В воспоминаниях Я. А. Шера отставной полковник превращается в «генерала» (*Шер* 2014: 524).

по консервации и восстановлению старинных построек Новгорода. В 1944 г. под его руководством проводятся первичные мероприятия по консервации руин церкви Спаса на Нередице (*Булкин 2002: 280*).

В 1945 г. М.К. Каргер возобновляет свои довоенные раскопки в Киеве. В 1945–1950 и 1952 гг. Киевская экспедиция ИИМК АН СССР совместно с Институтом археологии УССР и Софийским заповедником вела работы в столице Украины. Археологические исследования, в которых участвовали Д.И. Блифельд, Г.Ф. Корзухина, П.А. Раппопорт, М.В. Малевская, начались с изучения собора Михаила Архангела в Выдубицком монастыре (рис. 30). В 1940–1950-е гг. Киевская экспедиция проводила раскопки:

- средневековых жилищ и погребений на Большой Житомирской улице, кирпичной печи или бани на усадьбе Софийского заповедника, во дворах по Владимирской улице и ул. Героев Революции (1946 г.);
- остатков каменного храма в усадьбе Художественного института и храма конца XII – XIII в. на Вознесенском спуске (1947 г.);
- на усадьбах Михайловского Златоверхого монастыря и Софийского заповедника, включая раскопки внутри Софийского собора (1948–1949 гг.) (рис. 31);
- в усадьбе № 4 по Рыльскому переулку, где до 1950 г. экспедиция исследовала каменную стену Митрополичьего двора (рис. 32).

Многочисленные исследования экспедиция провела в Киевской области: в Переяславе-Хмельницком открыла остатки каменного храма Архангела Михаила (1949, 1952–1954, 1955 гг.), исследовала каменный храм в урочище Церковщина у с. Зарубинцы, в Борисполе — развалины каменной Летской божницы (1950 г.), в Вышгороде — каменный собор-усыпальницу свв. Бориса и Глеба (1952 г.) (рис. 33), в Чернигове — Борисоглебский собор (1948–1950 гг.) (*Археологические экс-*

педиции 1962: 134–135, 196; *Длужневская* 2009: 373–374)¹¹⁸. За время работы в Переяславе-Хмельницком экспедицией во главе с М. К. Каргером были исследованы Воскресенская церковь XII в., храм-усыпальница XI в., храм Михаила Архангела XI в., а также гончарная печь XVII в. у башни Михайловского монастыря. В 1956 г. были проведены раскопки развалин храма «Андрея у ворот», стены «города» митрополита Ефрема и исследован городской вал (*Длужневская* 2009: 374) (рис. 34).

Результаты многолетних исследований М. К. Каргера в Киеве были опубликованы в трех фундаментальных монографиях: в 1950 г. выходит из печати книга «Археологические исследования древнего Киева. Отчеты и материалы (1938–1947 гг.)»; в 1958 и 1961 гг. — два тома монографии «Древний Киев»: т. 1: Очерки по истории материальной культуры древнерусского города; т. 2: Памятники киевского зодчества X–XIII вв.¹¹⁹

В 1943–1947 гг. М. К. Каргер продолжал заведовать Кафедрой русского искусства в РАХ (Академии Художеств). В 1947 г. в связи с переходом на основную работу в Академию наук СССР он был освобожден по личной просьбе от заведования кафедрой в РАХ, а в 1950 г. в связи с назначением заведующим кафедрой истории искусств в ЛГУ — освобожден от штатной должности доцента Академии художеств¹²⁰.

Приказом по Ленинградскому отделению Института истории материальной культуры Академии наук СССР от 16 июня 1948 г. М. К. Каргер переведен на основную работу из РАХ в ЛОИИМК, где его утверждают в должности старшего

¹¹⁸ В 1952 г. сотрудником Группы славяно-русской археологии и постоянным сотрудником экспедиций М. К. Каргера становится Марианна Владимировна Малевская-Малевиц (1918–2011) (*Платонова* 2013: 217–218).

¹¹⁹ В 1963 г. монография «Древний Киев» отмечена премией Ленинградского университета.

¹²⁰ РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 374. Л. 44.

научного сотрудника по специальности «археология»¹²¹. В 1949 г. М. К. Каргер утвержден в качестве начальника Киевской экспедиции ЛОИИМК АН СССР¹²².

В 1951 г. наряду с Н. Н. Ворониным, Б. А. Рыбаковым и другими М. К. Каргеру присваивается премия Президиума АН СССР за составление второго тома сборника «История культуры Древней Руси», а в 1952 г. ему присуждена Сталинская премия II степени (звание лауреата Сталинской премии) как одному из авторов и редактору коллективной монографии «История культуры Древней Руси»¹²³. В 1953 г. ему вручают орден Ленина.

В 1951 г. М. К. Каргер зачислен сотрудником в Группу славяно-русской археологии ЛОИИМК, где 3 декабря того же года он сменяет М. И. Артамонова на посту руководителя группы¹²⁴. В июне 1951 г., когда на волне антимарристской кампании Сектор Древней Руси и Восточной Европы ЛОИИМК был превращен в Группу славяно-русской археологии, М. К. Каргер был назначен ее заведующим. На этой должности он оставался вплоть до 1974 г., когда группа была преобразована в Отдел славяно-финской археологии ЛОИА и ее руководителем стал его ученик А. Н. Кирпичников (*Платонова* 2013: 41, 219). В это время в группе работали такие известные исследователи-археологи, как Ф. Д. Гуревич, А. Н. Кирпичников, Г. Ф. Корзухина, И. И. Ляпушкин, М. В. Малевская-Малевиц, П. А. Раппопорт, Ю. П. Спегальский, Я. В. Станкевич, М. А. Тиханова, П. Н. Третьяков, А. Л. Якобсон (*Платонова* 2013: 202–219).

Конец 1940-х — начало 1950-х гг. были омрачены идеологическими погромами, которые проходили в Ленинграде после войны и непосредственно затрагивали сотрудников бывшей Академии истории материальной культуры, преобразованной в ЛОИИМК-ЛОИА. Отголоски этих событий и атмосфера

¹²¹ Там же. Л. 35, 45.

¹²² Там же. Л. 38.

¹²³ Там же. Л. 57.

¹²⁴ Там же. Л. 52.

позднего сталинского периода сохранились в письмах Павла Александровича Раппопорта, которые он писал Николаю Николаевичу Воронину в 1952 г. Так, в письме от 15 января 1952 г. он сообщает: «Было собрание по поводу хазар Артамонова. По-моему, было неприятно. Бородатый Попов (из ЛГУ. Вы его знаете?), подтасовывая факты, ругал М. И. [Артамонова]. А т[ак] к[ак] за неделю до этого у него был бой с Д. С. Лихач[евым] по поводу его гнусной рецензии на “Повесть вр[еменных] лет”, то мне было особенно противно. МКК (Каргер. — К. М.) выступил в защиту Лихач[ева] и Артам[онова] и назвал Попова гангстером! Но сам МКК тоже ругал МИ за марризм и, по-моему, несправедливо и слишком грубо, с тенденциозным нажимом» (Тимофеева 2017: 375). Из писем и документов 1940–1950-х гг. складывается впечатление, что «послевоенный» М. К. Каргер старался дистанцироваться от активного участия в обвинительных кампаниях конца сталинской эпохи и публичных обвинений против своих коллег. С другой стороны, он довольно авторитарно руководил своими сотрудниками, ограничивая их научную самостоятельность (Тимофеева 2017: 379–380, 382, 384, 387).

В 1955 г. М. К. Каргер завершает свои масштабные раскопки в Переяславе-Хмельницком и перемещается на Волинь, где начинает работу новая Галицко-Волинская экспедиция в селе Викторов Галицкого района Станиславской (Ивано-Франковской) области УССР, которая стала совместным проектом для ЛОИИМК и ЛГУ. В 1954 г. сотрудники экспедиции исследовали остатки древнерусских жилищ и мастерских в Галиче на городище Крылос, а также остатки каменного храма св. Ильи. В 1955–1956 гг. экспедиция занималась раскопками церкви Василия и Михайловской ротонды XII–XIII вв. во Владимире-Волинском. В 1959 г. состоялись исследования белокаменной ротонды в селе Побережье и Успенской церкви (Археологические экспедиции 1962: 209; Длужневская 2009: 374–375).

В 1957 г. Галицко-Волынская экспедиция ЛОИИМК АН СССР и ЛГУ под руководством М. К. Каргера приступила к масштабным раскопкам древнерусского городища у с. Городище, которое он отождествил с летописным городом Изяславлем, в Шепетовском районе Хмельницкой области Украины. За восемь полевых сезонов (1957–1964 гг.) коллектив экспедиции исследовал широкой площадью детинец и окольный город древнерусского города XII–XIII вв. (около 3,5 га). Наряду с работами А. В. Арциховского в Новгороде, раскопки «Изяславля» были самыми масштабными и известными раскопками средневекового города в Восточной Европе (Пескова 2020: 7–29). Организованные М. К. Каргером археологические работы в Галиче, Владимире-Волынском, на Большом Шепетовском городище, в Полоцке и Витебске оказались одними из самых крупных, продуманных и результативных в деле изучения древнерусского города и памятников средневековой каменной архитектуры в 1950-х — начале 1960-х гг. (рис. 35, 36). Новая программа раскопок совпала с изменениями в личном составе научных сотрудников экспедиции. В 1957–1958 гг. окончательно прекратили многолетнее сотрудничество с ее руководителем Г. Ф. Корзухина и М. В. Малевская-Малевич, оставаясь при этом сотрудниками Группы славяно-русской археологии. М. К. Каргер заново формирует руководящее звено экспедиции в «Изяславле», которое теперь состоит только из молодых сотрудников. В их число входят А. Н. Кирпичников, О. В. Овсянников, Вал. А. Булкин.

Параллельно с раскопками «Изяславля» и Галича в 1956–1957 гг. Полоцкой экспедицией под руководством М. К. Каргера был исследован культурный слой на территории Верхнего замка в Полоцке (Длужневская 2009: 375). В 1961–1962 и 1965 гг. он проводил раскопки Борисоглебского храма XII в. в Новогрудке и развалин храма во дворе школы в Полоцке. Кроме этого, в Спасо-Евфросиньевском монастыре По-

лоцка был исследован храм-усыпальница XII в., в Турове — храм XII в., а в 1964–1965 гг. — храм Бельчицкого монастыря. В 1966–1968 гг. Полоцкая экспедиция провела раскопки храма на территории Верхнего замка в Полоцке, а также у Софийского собора и раскопки руин Благовещенской церкви XII в. в Витебске (*Длужневская* 2009: 375) (рис. 37, 38).

В 1959 г. М. К. Каргер защищает в качестве докторской диссертации первый том своего труда «Древний Киев», и в 1960 г. ему присуждается ученая степень доктора исторических наук¹²⁵. В 1961 г. он утвержден профессором по кафедре истории искусств ЛГУ (второй раз после 1939 г., когда его утвердили в звании профессора ВАХ) (рис. 39)¹²⁶. В 1961 г. ученый назначен заведующим ЛОИА АН СССР, которое возглавлял до 1971 г. (рис. 40)¹²⁷. В 1965 г. он становится членом редакционной коллегии журнала «Советская археология», в том же 1965 г. вводится в состав ученого совета ИА АН СССР и одновременно утверждается членом секции общественных наук Президиума АН СССР.

Последним полевым проектом исследователя стали раскопки в Новгороде, с которого начинались его архитектурно-археологические работы 1920–1930-х гг. М. К. Каргер возвращается в Новгород, где продолжает исследования по поиску древнейшего каменного храма на Новгородском (Рюриковом) городище, прерванные в 1934 г. Совместная экспедиция ЛОИА АН СССР и ЛГУ во время полевых сезонов 1966, 1969 и 1970 гг. открывает лестничную башню и стены храма Благовещения на Городище XII в.

В начале 1970-х гг. в связи с ухудшением здоровья исследователь покидает посты заведующего ЛОИА и заведующего сектором (14 октября 1971 г.)¹²⁸. В 1974 г. его переводят

¹²⁵ РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 374. Л. 70–71.

¹²⁶ Там же. Л. 75.

¹²⁷ Там же. Л. 84–87.

¹²⁸ Там же. Л. 96.

на должность научного консультанта при ЛОИА¹²⁹. 26 августа 1976 г. М. К. Каргер скончался в Ленинграде, похоронен на Казанском кладбище г. Пушкина (рис. 41).

Подводя итоги долгой и сложной научной биографии М. К. Каргера, можно сказать, что он стал одним из создателей отечественной школы архитектурной археологии. Книги и статьи ученого, посвященные Новгороду и Киеву, не потеряли своей актуальности и до сих пор служат примером научной добросовестности. Научные традиции, заложенные им в 1950–1960-е гг., продолжены его учениками и учениками его учеников на Кафедре искусствоведения Ленинградского (Петербургского) университета, в Отделе славяно-финской археологии ИИМК РАН и Государственном Эрмитаже. Многие материалы его раскопок, архивные документы и фотографии памятников, привезенные из его экспедиций и собранные в фондах Научного архива ИИМК РАН и Новгородского музея-заповедника, продолжают сохранять свою актуальность до нашего времени и привлекают внимание современных исследователей. Этот обширный задел научных фактов и идей до сих пор составляет востребованный фонд для будущих исследований.

¹²⁹ РО НА ИИМК РАН. Ф. 35. Оп. 5. Д. 374. Л. 115.

Список сокращений

АН СССР	– Академия наук Союза Советских Социалистических Республик
АО	– Археологические открытия
БСЭ	– Большая советская энциклопедия
ВАН	– Вестник АН СССР
ВАН УРСР	– Вісник Академії наук Української Радянської Соціалістичної Республіки
ВАХ	– Всероссийская академия художеств
ВКП(б)	– Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков)
ГАИМК	– Государственная академия истории материальной культуры
ГИИИС	– Государственный институт истории искусства, Петроград-Ленинград
ГРМ	– Государственный Русский музей
ГРМ (I)	– ведомственный архив Государственного Русского музея
Губвоенкомат	– губернский военный комиссариат
Губполитпросвет	– губернский комитет политического просвещения
ИА АН СССР	– Институт археологии Академии наук СССР
ИГАИМК	– Известия Государственной академии истории материальной культуры
ИИМК	– Институт истории материальной культуры
ИРИ РАН	– Институт российской истории РАН
КОМУЧ	– Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания
КПСС	– Коммунистическая партия Советского Союза
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КСК СНК СССР	– Комиссия советского контроля при Совете Народных Комиссаров
ЛГУ	– Ленинградский государственный университет
ЛИЛИ	– Ленинградский институт истории и лингвистики

ЛИФЛИ	— Ленинградский институт истории, философии и лингвистики
ЛОИА	— Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
ЛОИИМК	— Ленинградское отделение Института истории материальной культуры АН СССР
НА ИИМК РАН	— научный архив Института истории материальной культуры Российской академии наук
НА РАХ	— научный архив Российской академии художеств
НАРТ	— Национальный архив Республики Татарстан
НГМЗ	— Новгородский государственный музей-заповедник
НКВД	— Народный комиссариат внутренних дел СССР
НМИУ	— Национальный музей истории Украины
Облесполком	
Ленсовета	— Областной исполнительный комитет Ленинградского совета депутатов трудящихся
ОИН АН СССР	— Отделение исторических наук АН СССР
ОИФ	— Отделение истории и философии АН СССР
ОР ГРМ	— отдел рукописей Государственного Русского музея
ПИМК	— Проблемы истории материальной культуры
РАИМК	— Российская академия истории материальной культуры
РАХ	— Российская академия художеств
РИ	— Российская империя
РККА	— Рабоче-крестьянская Красная армия
СА	— Советская археология
Сб. ОРЯС	— Сборник Отделения русского языка и словесности АН СССР
СТАИМК	— Сообщения Государственной академии истории материальной культуры
СТУ	— Самарский государственный университет
СИЭ	— Советская историческая энциклопедия
СНК СССР	— Совет народных комиссаров
СНМСОПК	— Сообщения Научно-методологического совета по охране памятников культуры министерства культуры СССР

- СО ОГПУ — Специальный отдел Объединенного государственного политического управления при СНК СССР
- ТД СПИПАИ — Тезисы докладов на сессии Отделения истории АН СССР, посвященной 50-летию ленинского декрета о создании РАИМК — Института археологии АН СССР и итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1968 г. Отделение истории АН СССР. Л., 1969
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы АН СССР
- ФОН — Факультет общественных наук
- ЦГАИПД СПб — Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга
- ЦГАСО — Центральный государственный архив Самарской области
- ЦГА СПб — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга
- ЯМФАК — Факультет языкознания и материальной культуры

Список литературы и архивных источников

Архивные источники

- Дело государственного Петроградского университета 1922–23 гг.
Каргер М. К. 1922–1923 гг. // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 6. Ед. хр. 925.
- Дело канцелярии инспектора студентов императорского Казанского университета. О принятии в число студентов Университета Константина Ивановича Каргера // НАРТ. Ф. 977. Оп. л-д. 1899–1903 гг. Д. 33611.
- Дело канцелярии инспектора студентов имп. Казанского университета о зачислении в число студентов сего Университета Сергея Ивановича Каргера // НАРТ. Ф. 977. Оп. л-д. Д. 31650.
- Дело К. И. в Самарском университете // ЦГАСО. Ф. Р-28. Оп. 1. Д. 847.
- Дело М. К. Каргера // НА ИИМК РО. Ф. 2. Оп. 3. Д. 268.
- Дело М. К. Каргера о работе в Новгороде // НА ИИМК РАН. Ф. 2. 1936. Д. 149.
- Дело № 185 о приеме в члены ВКП(б) кандидата партии т. Каргер М. К. // ЦГАИПД СПб. Ф. 1728. Оп. 1. Д. 343963/2.
- Запись о браке М. К. Каргера 1923 г. // ЦГА СПб. Ф. Р-6143. Оп. 3. Д. 1089. № 3620.
- Запись о рождении М. К. Каргера. 1903 // НАРТ. Ф. 4. Оп. 169. Д. 78. Л. 17 об. — 18.
- Запись о смерти М. И. Каргера. 1907 г. // НАРТ. Ф. 4. Оп. 169. Д. 105. Л. 255 об. — 256.
- К. И. Каргер. Самарский университет // ЦГАСО. Ф. Р-128. Оп. 1. Ед. хр. 847.
- Каргер М. К. Трудовой список 1937 г. // НА ИИМК РАН РО. Ф. 2. Оп. 5. Ед. хр. 138.
- Каргер М. К. Личное дело // НА РАХ. Ф. 7. Оп. 4. Ед. хр. 107.
- Личное дело М. К. Каргера (начато 21.01.38 — окончено 15.12.50) // НА РАХ. Ф. 7. Оп. 4. Ед. хр. 107.
- Личное дело. М. К. Каргер // НА ИИМК РАН РО. Ф. 35. Оп. 5. Д. 374.
- Личный фонд М. К. Каргера // НА ИИМК РО. Ф. 85. Д. 206.
- Материалы по делу М. К. Каргера // НА ИИМК РАН. Ф. 2. 1936. Д. 189.

- Методологическое бюро. Протоколы заседаний // НА ИИМК РО. Ф. 2. 1931. Д. 11.
- Общее собрание сотрудников ГАИМК 13 октября 1936 г. // НА ИИМК РО. Ф. 2. 1936. Оп. 2. Д. 167. Л. 21.
- О деятельности Академии. Ч. 1 // НА ИИМК РО. Ф. 2. Оп. 1. 1929. Д. 1. Л. 222 об.
- О назначении пенсии сыну отставного коллежского асессора Виктору Каргер // РГВИА. Ф. 400. Оп. 17. Д. 20608.
- О приеме на временное хранение архивов профессоров Каргера М. К., Оболенского В. А., Фогеля Б. Ю. // НА РАХ. Ф. 7. Оп. 2. 1941. Ед. хр. 350.
- Отчеты о работе за 1935 год институтов // НА ИИМК РАН РО. Ф. 2. Оп. 1935. Д. 17.
- Письма М. К. Каргера П. Е. Корнилову (1923–1959) // ОР ГРМ. Ф. 145 (архив П. Е. Корнилова). Оп. 3. Ед. хр. 30.
- Письма А. Д. Милова — И. Я. Богуславской // ОР ГРМ. Ф. 100. Оп. 1. Ед. хр. 627.
- Письма Е. А. Кожинной — П. Е. Корнилову // ОР ГРМ. Ф. 145. Оп. 2. Ед. хр. 571.
- Переписка с Ленсоветом о рассмотрении жалоб трудящихся, т. 2 // ЦГА СПб. Ф. 960. Оп. 3. Д. 92.
- Письма Балашова // ОР ГРМ. Ф. 118. Оп. 1. Ед. хр. 61.
- Послужной список И. М. Каргера // НАРТ. Ф. 977. Оп. л-д. Д. 31650. Л. 16–21.
- Протоколы заседаний Сектора феодальной формации // НА ИИМК РАН РО. Ф. 32. 1932. Д. 36.
- Список научных трудов М. К. Каргера 1928–1932 гг. // ГРМ (I). Оп. 10. Ед. хр. 188.
- Стенограмма пленума ГАИМК по обсуждению дела М. К. Каргера // НА ИИМК РО. Ф. 2. 1936. Д. 168.
- Трудовой список Каргер М. К. // НА ИИМК РАН РО. Ф. 2. Оп. 5. Д. 138.

Список литературы

- Археологические экспедиции 1962* — Археологические экспедиции ГАИМК и ИА АН СССР 1919–1956 гг.: указатель / ред. Н. Н. Воронин, М. А. Тиханова. М.: Изд-во АН СССР, 1962.

- Борисковский* 1952 — Борисковский П. И. Михаил Константинович Каргер // Вестник ЛГУ. Серия общественных наук. 1952. № 5. С. 132–133.
- Булкин* 2002 — Булкин Вал. А. Воспоминания о М. К. Каргере // Искусство Древней Руси и его исследователи. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. (Вопросы отечественного и зарубежного искусства; вып. 6). С. 279–283.
- Вагнер, Кирпичников* 1963 — Вагнер Г. К., Кирпичников А. Н. К 60-летию М. К. Каргера // СА. 1963. № 4. С. 124–126.
- Гайдуков, Кудрявцев* 2020 — Гайдуков П. Г., Кудрявцев А. А. Первые планомерные археологические исследования в Новгороде (раскопки на Славне в 1930-х гг.) // Новгородский исторический сборник / отв. ред. П. Г. Гайдуков. Великий Новгород: Новгородский гос. университет им. Ярослава Мудрого, 2020. Вып. 19 (20). С. 90–100.
- Длужневская* 2009 — Длужневская Г. В. Научное наследие Михаила Константиновича Каргера в фотоархиве ИИМК РАН // Труды Гос. Эрмитажа: Архитектура и археология Древней Руси: материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М. К. Каргера (1903–1976). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. Т. 46. С. 370–391.
- Застрожнава и др.* 2023 — Застрожнава Е. Г., Тихонов И. Л., Тихомиров И. С. С. Н. Быковский: от красного командира до заместителя председателя ГАИМК (новые материалы к биографии) // Археологические вести. 2023. № 39. С. 292–310.
- Зорина и др.* 2005 — Зорина Т. Б., Минеева А. П., Чубукова А. Н. Документальное наследие М. К. Каргера в собрании Новгородского музея // Ежегодник НГМЗ 2004 / сост. и ред. Т. Н. Казармщикова. Великий Новгород: НГМЗ, 2005. С. 72–76.
- Иванов* 1963 — Иванов Н. В. М. К. Каргер (К 60-летию со дня рождения) // Вестник ЛГУ. Сер. истории, языка и литературы. 1963. № 14. Вып. 3. С. 155–156.
- Калитина* 2005 — Калитина Н. Н. О Михаиле Константиновиче Каргере // Искусство Древней Руси и его исследователи / под ред. Вал. А. Булкина. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2002. (Вопросы отечественного и зарубежного искусства; вып. 6). С. 276–278.
- Каргер* 1932 — Каргер М. К. Паспортизация памятников старины, искусства и революционного движения // Сообщения ГАИМК. 1932. № 1–2. С. 69–70.

- Каргер* 1967 — Каргер М. К. Список печатных трудов М. К. Каргера // Культура и искусство Древней Руси / отв. ред. М. И. Артамонов. Л.: Изд-во ЛГУ, 1967. С. 7–20.
- Кирпичников* 1974 — Кирпичников А. Н. К 70-летию М. К. Каргера // Культура средневековой Руси: Посвящ. 70-летию М. К. Каргера / отв. ред. А. Н. Кирпичников, П. А. Раппопорт. Л.: Наука, 1974. С. 3–4.
- Кирпичников* 1977 — Кирпичников А. Н. М. К. Каргер: некролог // СА. 1977. № 3. С. 333–334.
- Кирпичников* 2009 — Кирпичников А. Н. Творческий путь М. К. Каргера // Труды Гос. Эрмитажа: Архитектура и археология Древней Руси: материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М. К. Каргера (1903–1976). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. Т. 46. С. 5–7.
- Краткий обзор* 2017 — Краткий обзор СО ОГПУ антисоветской деятельности и группировок среди научной интеллигенции за 10 лет // «Совершенно секретно»: Лубянка Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.) / отв. ред. А. Н. Сахаров, В. С. Христофоров. М.: ИРИ РАН, 2017. С. 442–526.
- Лукницкий* 1976 — Лукницкий П. Н. Ленинград действует... : фронтовой дневник, второй год войны. — 2-е изд. — М.: Советский писатель, 1976. — Кн. 2.
- Медведева* 2022 — Медведева М. В. Константин Константинович Романов (1882–1942) // Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку: коллективная монография / науч. ред.-сост. В. А. Горончаровский. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 167–188.
- Медведева* 2022а — Медведева М. В. Николай Петрович Сычѳв (1883–1964) // Отцы-основатели РАИМК: их жизненный путь и вклад в науку: коллективная монография / науч. ред.-сост. В. А. Горончаровский. СПб.: ИИМК РАН, 2022. С. 217–241.
- Овсянников* 2009 — Овсянников О. В. Иконописец XVIII века Михаил Слепохин, Михаил Константинович Каргер и кот Евстафий // Труды Гос. Эрмитажа: Архитектура и археология Древней Руси: материалы научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения М. К. Каргера (1903–1976). СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2009. Т. 46. С. 8–12.
- Памятная книжка* 1916 — Памятная книжка Самарской губернии на 1916 год / сост. секретарь В. Кандалинцев. Самара: губ. тип., 1916.

- Пескова 2020* — Пескова А. А. История изучения городища у с. Городище Шепетовского района Хмельницкой области, Украина // *Летописный «Изяславль»: Большое Шепетовское городище в свете археологии*. Т. I. Материалы раскопок М. К. Каргера 1957–1964 годов в исследованиях 1960–1980-х годов / ред.-сост. А. А. Пескова. СПб.: Нестор-История, 2020. С. 7–29.
- Платонова 2013* — Платонова Н. И. Михаил Константинович Каргер — заведующий ЛОИА АН СССР с 3 июля 1964 г. по 14 октября 1971 г. // *Академическая археология на берегах Невы (от РАИМК до ИИМК РАН, 1919–2014 гг.)*. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. С. 41–42.
- Робинсон 2020* — Робинсон М. А. Методологическое новаторство В. Н. Перетца в изучении истории литературы. К 150-летию со дня рождения ученого // *Славянский альманах*. 2020. Вып. 3–4. С. 449–472.
- Сташенков 2014* — Сташенков Д. А. Барабашинский могильник на территории города Самары: некоторые итоги изучения и перспективы исследования // *Известия Самарского научного центра РАН*. 2014. Т. 16. № 3. С. 326–329.
- Сташенков 2019* — Сташенков Д. А. Археологические работы в Самарской губернии на переломе эпох: 1918–1930 годы // *У истоков советской археологии: организация и учреждения археологического профиля в новых реалиях: материалы Международной научной конференции* / отв. ред. И. А. Сорокина. М.: ИА РАН, 2019. С. 45–48.
- Тимофеева 2017* — Тимофеева Т. П. Письма П. А. Раппопорта к Н. Н. Воронину (январь — август 1952 г.) // *Труды Государственного Эрмитажа: Монументальное зодчество Древней Руси и Восточной Европы эпохи средневековья*. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2017. Т. 86. С. 373–388.
- Тихонов 2003* — Тихонов И. Л. Археология в Санкт-Петербургском университете: историографические очерки. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003.
- Тихонов 2021* — Тихонов И. Л. О репрессиях в ГАИМК // *Советская археология до и после Великой Отечественной войны (вторая половина 1930 — конец 1940-х годов): материалы Международной научной конференции* / отв. ред. И. А. Сорокина. М.: ИА РАН, 2021. С. 63–65.

- Толочко* 2015 — Толочко П. П. (гол. ред.). Інститут археології Національної академії наук України. 1918–2014. Київ: АДФ-Україна, 2015.
- Харлашова* 2013 — Харлашова Е. А. Академия художеств в блокаде Ленинграде. Сентябрь — декабрь 1941 года // Забвению не подлежит: Статьи. Воспоминания. Документы. Вып. IX. СПб.: Государственный мемориальный музей обороны и блокады Ленинграда, 2013. С. 48–57.
- Царевская* 2020 — Царевская Т. Ю. Церковь Николая на Липне. Великий Новгород: НГОМЗ, 2020.
- Шер* 2014 — Шер Я. А. История ИИМК глазами бывшего иимковца // Российский археологический ежегодник. 2014. № 4. С. 523–526.

Опубликованные работы М. К. Каргера

1927

1. К вопросу о портретах ктиторов в русских стенописях XVI–XVII вв. // Отчет Новгородского общества любителей древности за 1926 г. Новгород. С. 12–13.

1928

2. Из истории западных влияний в древнерусской живописи // Материалы по русскому искусству. Т. 1. Л. С. 66–67.
3. К вопросу об изображении Грозного на иконе «Церковь воинствующая» // Сб. ОРЯС. Т. 101. № 3. С. 466–469.
4. Материалы для словаря русских иконописцев // Материалы по русскому искусству. Т. 1. Л.: Русский музей. С. 112–136.
5. Успенский собор Свяжского монастыря как архитектурный памятник (Из истории культурно-художественных взаимоотношений Пскова и Москвы) // Материалы по охране, ремонту и реставрации памятников Татарской АССР. Вып. II. Казань. С. 10–31.

1929

6. Крепостные сооружения г. Свяжска (Материалы по истории крепостного деревянного зодчества) // Известия Общества истории, археологии и этнографии при Казанском университете им. В.И. Ульянова (Ленина). Т. XXXIV. Вып. 3–4. Казань. С. 131–151.

1931

7. Об организации города-музея в Новгороде // СГАИМК. № 4–5. С. 52–54.

1932

8. Паспортизация памятников старины, искусства и революционного движения // СГАИМК. № 1–2. С. 69–70.

9. Les portraits des fondateurs dans les peintures murals du monastère de Swiyazsk // L'Art byzantin chez les Slaves. Fasc. 2 (Orient et Byzance; vol. 5). Paris. P. 135–149.

1933

10. Раскопки 1932 г. в Новгороде Великом (совместно с А. В. Арциховским) // ПИМК. № 1–2. С. 60–64.

1934

11. Новгородская архитектура XI–XIII вв. как источник изучения социальных отношений // ИГАИМК. Вып. 103. С. 278–280.
12. О новгородском зодчестве XI–XIII вв. [Выступление по докладу С. Н. Быковского «Из истории классовой борьбы в Новгороде в XV в.»] // ИГАИМК. Вып. 103. С. 278–280.

1938

13. Вивчення стародавнього Києва // Вісті Рад депутатів трудящих УРСР. № 195 (5385). Київ. С. 4.

1939

14. Восточнославянские племена в VIII–X вв. Гл. 3. § 9 // История СССР с древнейших времен до образования Древнерусского государства. Ч. III–IV / под общ. ред. М. И. Артамонова. М. — Л.: Изд-во АН СССР. С. 457–470.
15. Дофеодальний період історії Києва по археологічним даним (доклад на пленуме ИИМК) // КСИИМК. Вып. I. С. 9–10.

1940

16. Д. В. Айналов. 1862–1939 // КСИИМК. Вып. IV. С. 3–5.
17. Зодчество Галицко-Волынской земли в XII–XIII вв. // КСИИМК. Вып. III. С. 14–21.
18. К вопросу о Киеве в VIII–IX вв. // КСИИМК. Вып. VI. С. 61–66.
19. К вопросу о саркофагах князя Владимира и Анны // КСИИМК. Вып. VII. С. 76–80.

20. Княжеское погребение XI в. в Десятинной церкви // КСИИМК. Вып. IV. С. 12–20.
21. Погребение киевского дружинника X в. // КСИИМК. Вып. V. С. 79–82.
22. Раскопки древнего Киева // Наука и жизнь. № 2. С. 38–40.

1941

23. Новгород. Юрьев монастырь, 1933–1935 гг. // Археологические исследования в РСФСР 1934–1936 гг. Краткие отчеты и сведения / под ред. В. В. Гольмстен. М. — Л.: Изд-во АН СССР. С. 24–25.
24. Раскопки 1934 г. в Новгороде. Рюриково городище // Там же. С. 18–24.
25. Тайник под развалинами Десятинной церкви в Киеве // КСИИМК. Вып. X. С. 75–85.

1945

26. Землянка-мастерская киевского художника XIII в. // КСИИМК. Вып. XI. С. 5–15.
27. К истории византийской сфрагистики // Византийский сборник / под ред. М. В. Левченко. М. — Л.: Изд-во АН СССР. С. 260–264.
28. Основные итоги археологических раскопок Выдубицкого монастыря // Научная сессия ЛГУ 1945 г. Тезисы докладов по секции исторических наук / отв. ред. А. А. Екимов. Л.: Изд-во АН СССР. С. 66–69.

1946

29. Новгород Великий. Сокровища русского зодчества. М.: Изд-во Академии архитектуры СССР. 183 с.: ил.
30. Итоги археологических раскопок в Киеве за 25 лет (тезисы доклада на пленуме ИИМК) // КСИИМК. Вып. XIII. С. 188–189.
31. Разрушение памятников культуры Великого Новгорода (по материалам обследований 1942–1943) (тезисы доклада на сессии Отделения истории философии АН СССР) // КСИИМК. Вып. XIII. С. 183–184.

32. Раскопки и реставрационные работы в Георгиевском соборе Юрьева монастыря в Новгороде (1933–1935 гг.) // СА. Т. VIII. С. 175–224.

1947

33. Жилище Киевской земли // Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 г. / ОИФ АН СССР. М.; Л. С. 84–85.
34. К вопросу об убранстве интерьера в русском зодчестве домонгольского периода // Труды Всероссийской академии художеств. Т. I. Л.; М. С. 15–50, табл. I–IV.
35. К вопросу о древнейшей истории Киева // Рефераты научно-исследовательских работ за 1945 г. / ОИФ АН СССР. М.; Л. С. 85–86.
36. Киевская экспедиция (1946 г.) // КСИИМК. Вып. XXI. С. 38–40.
37. Основные итоги археологического изучения Новгорода // СА. Т. IX. С. 137–168.

1948

38. Археологічні роботи на території Києва за останнє десятиріччя і дослідні завдання на ближчі роки (доклад на V науковій конференції Інституту археології АН УРСР) // Археологія. Т. II. Київ. С. 202–203.
39. К вопросу о древнейшей истории Киева // СА. Т. X. С. 235–254.
40. Про розкопки на території Видубецького монастиря (доклад на V науковій конференції Інституту археології АН УРСР) // Археологія. Т. II. Київ. С. 203.

1949

41. К истории киевского зодчества (конца XII — начала XIII в.) // КСИИМК. Вып. XXVII. С. 128–137.
42. Киев и монгольское завоевание // СА. Т. XI. С. 55–102.
43. Разкопки у Києві в 1946 р. // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. I. Київ. С. 7–20.

1950

44. Археологические исследования древнего Киева: Отчеты и материалы (1938–1947 гг.) / АН УССР. ИА; АН СССР. ИИМК. Киев: Изд-во АН УСССР. 252 с.: ил.

45. Развалины Зарубского монастыря и летописный город Заруб // СА. Т. XIII. С. 33–62.

1951

46. Архитектура // История культуры Древней Руси: Домонгольский период. Т. II / под ред. Н. Н. Воронина, М. К. Каргера, М. А. Тихановой. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 245–340. (В соавторстве с Н. Н. Ворониным).
47. Живопись // Там же. М. С. 341–395. (В соавторстве с Н. Н. Ворониным).
48. Новые данные к истории древнерусского жилища // КСИИМК. Вып. XXXVIII. С. 3–11.
49. Основные итоги и проблемы археологического исследования древнего Киева (тезисы доклада) // КСИИМК. Вып. XLI. С. 45–46.
50. Памятники переяславского зодчества XI–XII вв. в свете археологических исследований // СА. Т. XV. С. 44–63.

1952

51. Десятинная церковь // БСЭ. Т. 14. С. 112.
52. К истории киевского зодчества XI века. Храм-мавзолей Бориса и Глеба в Вышгороде // СА. Т. XVI. С. 77–99.
53. Розкопки на садибі Київського Історичного музею (1948 р.) // Археологічні пам'ятки УРСР. Т. III. С. 5–13.

1953

54. Археологічні розкопки в Переяславі-Хмельницькому // ВАН УРСР. № 6. С. 43–50.
55. Древний Киев // По следам древних культур. Древняя Русь. М.: Госкультпросветиздат. С. 35–74.
56. Искусство Древней Руси. // Очерки истории СССР. Период феодализма (IX–XV вв.) / под ред. Б. Д. Грекова и др. Ч. I. М.: Изд-во АН СССР. С. 228–244.
57. К истории киевского зодчества конца XI — начала XII в. Церковь Спаса на Берестове // СА. Т. XVII. С. 223–247.
58. «Летская божница» Владимира Мономаха // КСИИМК. Вып. XLIV. С. 13–20.

59. Основные итоги и проблемы археологического исследования древнего Киева // VI научная конференция ИА АН УССР. Доклады на пленарных заседаниях. Киев. С. 107–118.
60. Культура Древней Руси // Очерки истории СССР. Период феодализма. IX–XV вв.: в 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. Б. Д. Грекова и др. М.: Изд-во АН СССР. С. 206–250.

1954

61. Новгородское зодчество // История русского искусства. Т. II / под общ. ред. И. Э. Грабаря, В. С. Кеменова, В. Н. Лазарева. М.: Изд-во АН СССР. С. 16–71.
62. Памятники древнерусского зодчества в Переяславле-Хмельницком // Зодчество Украины / гл. ред. М. П. Цапенко. Киев: Изд-во Академии архитектуры УССР. С. 271–296.
63. Портреты Ярослава Мудрого и его семьи в Киевской Софии // Ученые записки ЛГУ. Сер. ист. наук. № 160. Вып. 20. С. 143–180.
64. Раскопки Переяслава-Хмельницкого // Тезисы докладов на сессии Отделения исторических наук и пленуме ИИМК 1953 г. М. С. 3–6.
65. Раскопки Переяславе Хмельницком // СА. 1954. Т. XX. С. 5–30.
66. Розкопки в Переяславі-Хмельницькому в 1952–1953 рр. // Археологія. Т. IX. С. 3–29.
67. Рецензия: Грубейшие ошибки в книге о русских архитекторах // Архитектура и строительство Ленинграда. № 3. С. 39–40. (В соавторстве с В. А. Богословским).

1955

68. К характеристике древнерусского летописца // ТОДРЛ. Т. XI. С. 61–71.
69. Княжеские дворцы древнего Киева // Ученые записки ЛГУ. Сер. ист. наук. № 193. Вып. 22. С. 67–102.
70. Раскопки в с. Переяславле-Хмельницком [1949 г.] // КСИА АН УССР. Вып. 4. Киев. С. 6–8.

1956

71. Основные итоги работ Галицко-Волынской архитектурно-археологической экспедиции ЛГУ в 1955 г. // Научная сессия ЛГУ

1955–1956 гг.: Тезисы докладов по секции исторических наук. Л.
С. 14–17.

1957

72. Юрьев монастырь // БСЭ. Т. 49. С. 442.
73. Dawny Kijow // Sladami dawnysh kultur. Dawna Rus. Warszawa.
S. 43–98.

1958

74. Вновь открытые памятники зодчества XII–XIII вв. во Влади-
мире Волынском // Ученые записки ЛГУ. Сер. ист. наук. № 252.
Вып. 29. С. 3–33.
75. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры
древнерусского города. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 580 с.: ил.
76. К вопросу об источниках летописных записей о деятельности
зодчего Петра и Феофана Грека в Новгороде // ТОДРЛ. Т. XIV.
М.; Л. С. 565–568.
77. Die Nowgoroder Baukunst // Geschichte der Russischen Kunst.
Bd. II. Dresden: Der Kunst.

1959

78. Древнерусский город Изяславль в свете археологических иссле-
дований 1957–1958 гг. // XV Научная сессия 1958–1959 гг. ЛГУ.
Секция исторических наук. Тезисы докладов. Л. С. 17–20.

1960

79. Галицко-Волынская экспедиция в 1957 г. // КСИА. Вып. 79.
С. 100–101.
80. Основные итоги раскопок древнего Галича в 1955 г. // КСИА.
Вып. 81. С. 61–71.

1961

81. Древний Киев. Очерки по истории материальной культуры дре-
внерусского города. Т. II. Памятники киевского зодчества X–
XIII вв. М.; Л.: Изд-во АН ССР. 663 с.: ил.

82. Новгород Великий. Архитектурные памятники древнего Новгорода. Л.; М.: Искусство. 310 с.: ил.

1962

83. Древнерусский город Изяславль в свете археологических исследований 1957–1961 гг. // Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1961 г. / АН СССР. ОИИ. ИЭ. М. С. 59–61.

1963

84. Памятники древнего зодчества Белоруссии // Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1962 г. / АН СССР. ОИИ. ИЭ. М. С. 24–27.

1964

85. Древнерусская монументальная живопись. XI–XIV вв.: [альбом]. М.; Л.: Советский художник. 28 с.: ил.
86. Зодчество древнего Смоленска. (XII–XIII вв.) / ЛГУ. Л.: Изд-во ЛГУ. 140 с.: ил.
87. Изяславль // СИЭ. Кн. 5. С. 779.

1965

88. Древнерусский город Изяславль в свете археологических исследований 1957–1964 гг. // Тезисы докладов советской делегации на I Международном конгрессе славянской археологии в Варшаве (сентябрь 1965 г.). М. С. 39–41.
89. Новый памятник зодчества XII в. в Турове // КСИА. Вып. 100. С. 130–138.
90. Выступления участников Совещания // Совещание Научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР (Научно-метод. совет по охране памятников культуры М-ва культуры СССР). Вып. 1. С. 47–65.

1966

91. Новгород Великий. Архитектурные памятники. Изд. 2-е, доп. М.; Л.: Искусство. 312 с.: ил.

92. Памятники архитектуры Новгорода XI–XVII вв.: [альбом]. Л.; М.: Советский художник. 20 с.: ил.
93. Раскопки храма Бориса и Глеба в Новогрудке // АО 1965. С. 165–168.

1967

94. Новгородское зодчество начала XII в. в свете новых археологических открытий // Тезисы докладов Всесоюзной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1966 г. Кишинев. С. 39–40.
95. Русское искусство X–XVII вв. // Краткий очерк истории русской культуры с древнейших времен до 1917 г. / отв. ред. Ш. М. Левин. Л.: Наука. С. 40–60, 83–97, 129–137, 164–174.

1968

96. Становление советской археологии // ТД СПИПАИ 1968. Л. С. 1–6.
97. К вопросу о памятниках зодчества XII в. в Волковыске // Славяне и Русь / отв. ред. Е. И. Крупнов. М.: Наука. С. 420–428.
98. Новые открытия памятников полоцкого зодчества XII в. // ТД СПИПАИ 1967. М. С. 28–30.
99. Раскопки руин древнего храма в Верхнем замке Полоцка // АО 1967. С. 257–258.

1969

100. Выступления участников совещания [Консервация архит.-археол. памятников юж. районов СССР] // СНМСОПК. Вып. 4. С. 73–86.
101. Раскопки руин церкви Благовещения в Витебске // АО 1968. С. 355.
102. Становление советской археологии // Тезисы докладов на сессии Отделения истории академии наук СССР, посвященных итогам полевых археологических и этнографических исследований в 1968 г. Л. С. 1–6.

1970

103. Новгород. Художественные памятники XI–XVII вв. Изд. 3-е, доп. Л.; М.: Искусство. 248 с.: ил.

104. Новые архитектурно-археологические открытия в Новгороде // ТД СПИПАИ 1969. М. С. 43–47.
105. Памятники древнерусского зодчества (Новые архитектурно-археологические открытия в Новгороде) // ВАН СССР. № 9. С. 79–85.

1972

106. К истории полоцкого зодчества XII в. (Руины вновь открытого храма на Верхнем замке) // Новое в археологии / под ред. В. Л. Янина. М.: Изд-во МГУ. С. 202–209.

1973

107. Novgorod the Great: Architectural guidebook. М.: Progress. 256 p.: il.

1975

108. Вступительная статья // Новгород: [альбом] / сост. Б. С. Скобельцын. Л.: Искусство. С. 3–11.
109. Новгород: Памятники архитектуры XI–XVII вв.: [альбом]. Л.: Аврора. 44 с.: ил.

1976

110. К истории галицкого зодчества XII–XIII вв. // КСИА. Вып. 146. С. 53–59.

1977

111. Раскопки церкви Бориса и Глеба в Новогрудке // КСИА. Вып. 150. С. 79–85.
112. Храм-усыпальница в Ефросиниевском монастыре в Полоцке // СА. № 1. С. 240–247.

1978

113. Церковь Благовещения в Витебске // КСИА. Вып. 155. С. 71–76.

1980

114. Новгород: Художественные памятники XI–XVII вв. / общ. ред., вступ. ст. и коммент. Г. М. Штендера. 4-е изд., доп. Л.: Искусство. 246 с.: ил.

Иллюстрации

МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГЕ НА № 112		ГОДА, ЧАСТЬ ПЕРВАЯ, Ф. РОДИВШИХСЯ.		Родился ли он в той семье по записи.
Место рождения	Вид рождения	Здесь, как супруге и родила, и много естественным.	Здесь, как, супруге и родила естественным.	
20	1903 г. 11. 17. 20	Вид рождения	Здесь, как, супруге и родила естественным.	Родился ли он в той семье по записи.
21	1903 г. 11. 17. 21	Вид рождения	Здесь, как, супруге и родила, и много естественным.	Родился ли он в той семье по записи.
22	1903 г. 11. 17. 22	Вид рождения	Здесь, как, супруге и родила, и много естественным.	Родился ли он в той семье по записи.

Рис. 1. Выписка из метрической книги церкви святой преподобномученицы Евдокии о рождении М. К. Каргера (Казань 1903 г.) (НАРТ. Ф. 4. Д. 168. Л. 78)

Рис. 2. Казань. Церковь св. прмц. Евдокии на Засыпкинской улице, где был крещен Михаил Каргер (Фото из открытых источников в сети Интернет)

Рис. 3. Казань. Засыпкинская (Федосеевская) улица в начале XX в. (Фото из открытых источников в сети Интернет)

Рис. 4. Казань. Здание 1-й мужской гимназии, где обучался К. И. Каргер. (Фото из открытых источников в сети Интернет)

Рис. 5. Сергей Иванович Каргер (фото из студенческого дела) (НАРТ. Ф. 977. Оп. л-д. Д. 31650. Л. 12)

Рис. 6. Виктор Иванович Каргер (фото из студенческого дела) (НАРТ. Ф. 977. Оп. л-д. Д. 39854. Л. 2)

Рис. 8. Михаил Каргер в 1920–1923 гг. (фото из студенческого дела ПГУ) (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 6. Д. 925. Л. 16)

Рис. 9. Нестор Каргер в 1920–1923 гг. (фото из студенческого дела ПГУ) (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 7. Д. 1048)

Рис. 10. Студенческое дело М. К. Каргера в Петроградском университете 1922–1923 гг. (ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 6. Д. 925)

Рис. 11. Сотрудники Художественного отдела Государственного Русского музея (во втором ряду второй слева — Н. П. Сычев, в третьем ряду второй слева — М. К. Каргер). 1920-е гг. (Фото из открытых источников в сети Интернет)

Рис. 12. М. К. Каргер в группе выпускников ЛИФЛИ в 1931 г. (ФО НА ИИМК РАН. П-76883)

Рис. 13. А. В. Арциховский и М. К. Каргер в Новгороде в 1934 г.
(Фото из открытых источников в сети Интернет)

Рис. 14. М. К. Каргер на раскопе на Славенском холме, экспедиция
ГАИМК в Новгороде в 1934 г. (ФО НА ИИМК РАН. Н. П-15209)

Рис. 15. М. К. Каргер проводит экскурсию для сотрудников Киевской экспедиции ГАИМК на раскопках Десятинной церкви в 1939 г. (Фонд негативів на скляних пластинках Наукового архіву ІА НАН України. № 8243–1939)

Рис. 16. М. К. Каргер на раскопках Десятинной церкви в 1939 г. (Фото из открытых источников в сети Интернет)

Рис. 17. М. К. Каргер в конце 1930-х гг.
(ФО НА ИИМК РАН. I-52086)

Рис. 18. Киевская экспедиция. Десятинная церковь. 1938 г.
М. К. Каргер на раскопе с сотрудниками экспедиции и рабочими
(Фонд негативів на скляних пластинках Наукового архіву ІА НАН
України. № 8057–1939)

Рис. 19. Сотрудники Киевской экспедиции. 1939 г. (в первом ряду в центре третий слева — М. К. Каргер; в первом ряду первый справа — И. П. Шаскольский; в последнем ряду в центре седьмая справа — Г. Ф. Корзухина; во втором ряду четвертая слева — Е. В. Махно; в первом ряду четвертый слева — В. К. Гончаров; в последнем ряду пятый слева — И. Е. Иванцов) (Фонд негативів на скляних пластинках Наукового архіву ІА НАН України. 1939)

Рис. 20. М. К. Каргер расчищает захоронение в погребальной камере в центральном нефе Десятинной церкви. Киев. 1939 г. (Фонд негативів на скляних пластинках Наукового архіву ІА НАН України. № 8131–1939)

*Рис. 21. Киевская экспедиция. Десятинная церковь. 1939 г.
Общий вид раскопа. На заднем плане сидят: Г. Ф. Корзухина
(с чертежами) и И. П. Шаскольский (Фонд негативів на скляних
пластинках Наукового архіву ІА НАН України. № 8129–1939)*

Рис. 22. М. К. Каргер в день сдачи госэкзаменов на кафедре археологии ЛГУ вместе с преподавателями и выпускниками кафедры (слева направо сидят: Е. Ю. Кричевский, М. К. Каргер, М. И. Артамонов, В. И. Равдоникас, В. Ф. Гайдукевич; стоят: П. И. Борисковский и выпускники 1941 г. И. Шаскольский, Ю. Калинин, Т. Родионова (Белановская), М. Кубланов, С. Орлов) (Тихонов 2003: 193) (ФО НА ИИМК РАН. Н. П-44626)

Рис. 23. М. К. Каргер в 1941 г. (из учетной карточки Наркомата обороны) (Фото из открытых источников в сети Интернет)

Рис. 24. Военный комиссар политотдела 8-й армии М. К. Каргер на фронте в 1941–1943 гг. (ФО НА ИИМК РАН. I-58665)

Рис. 25. Военный комиссар политотдела 8-й армии М. К. Каргер на фронте в 1941–1943 гг. (ФО НА ИИМК РАН. I-58664)

Рис. 26. М. К. Каргер в форме с погонами майора и медалью «За оборону Ленинграда», после февраля 1944 г. (ФО НА ИИМК РАН. II-80548)

Рис. 27. Сотрудники Академии художеств после возвращения из эвакуации, обход мастерских живописного факультета Академии художеств. 1944 г. М. К. Каргер третий слева.
(Источник фото: <https://babs71.livejournal.com/621131.html>)

Рис. 28. М. К. Каргер
в 1948–1949 гг.
(ФО НА ИИМК РАН. 5162-3)

Рис. 29. М. К. Каргер в 1940-е гг.
(ФО НА ИИМК РАН. I-65734)

Рис. 30. Киев. 1945–1946 гг. М. К. Каргер с сотрудниками экспедиции в Выдубичах у стены Михайловского собора. Д. И. Блительд — второй слева, третий слева — сын Г. Ф. Корзухиной Николай, четвертая слева — Н. И. Шендрик (Личный фонд Д. И. Блительда // Науковий архів ІА НАН України)

Рис. 31. М. К. Каргер вместе с сотрудниками Киевской экспедиции. Киев. 1948 г. М. В. Малевская во втором ряду третья справа (Личный архив М. В. Малевской-Малевич)

Рис. 32. М. К. Каргер на раскопках стены Митрополичьего двора в Киеве. Раскопки 1950 г. (ФО НА ИИМК РАН. К-997–44)

Рис. 33. М. К. Каргер вместе с сотрудниками Киевской экспедиции. Вышгород, 1952 г. П. А. Раппопорт стоит в заднем ряду второй слева; М. В. Малевская стоит в заднем ряду шестая слева (Личный архив М. В. Малевской-Малевич)

Рис. 34. Переяславль Южный. 1953 г. М. К. Каргер на берегу реки Трубеж (ФО НА ИИМК РАН. I-80801)

Рис. 35. Полоцк. 1957 г. М. К. Каргер стоит на берегу Западной Двины напротив Св. Софии (Личный архив М. В. Малевской-Малевич)

Рис. 36. Шепетовское городище. 1957 г. М. К. Каргер вместе с М. В. Малевской-Малевич, А. Н. Кирпичниковым и сотрудниками Галицко-Волынской экспедиции на городище у с. Городище (Личный архив М. В. Малевской-Малевич)

Рис. 37. М. К. Каргер на раскопе. 1960-е гг. (ФО НА ИИМК РАН. № 1411-655)

Рис. 38. М. К. Каргер на раскопе. 1960-е гг. (ФО НА ИИМК РАН. № 1411-656)

Рис. 39. М. К. Каргер на заседании ученого совета исторического факультета ЛГУ в конце 1960-х — начале 1970-х гг.
(Фото из открытых источников в сети Интернет)

Рис. 40. М. К. Каргер в ЛОИА в конце 1970–1971 гг.
(ФО НА ИИМК РАН. I-76720)

Рис. 41. Санкт-Петербург. Могила М. К. Каргера на Казанском кладбище в г. Пушкине (снимок А. А. Песковой, 2020 г.)

Кирилл Алексеевич Михайлов

МИХАИЛ КОНСТАНТИНОВИЧ КАРГЕР (1903–1976)

Биографические очерки

Корректор *А. М. Никитина*
Оригинал-макет *М. А. Гунькин*

Подписано в печать 12.09.2023. Формат 60x84/16
Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 6,5. Тираж 250 экз. Заказ № 49947

Отпечатано в ООО «Издательско-полиграфическая компания “НП-Принт”»
190020, Санкт-Петербург, набережная Обводного канала, д. 199-201, лит П.
Тел.: (812) 611-11-07, www.npprint.com